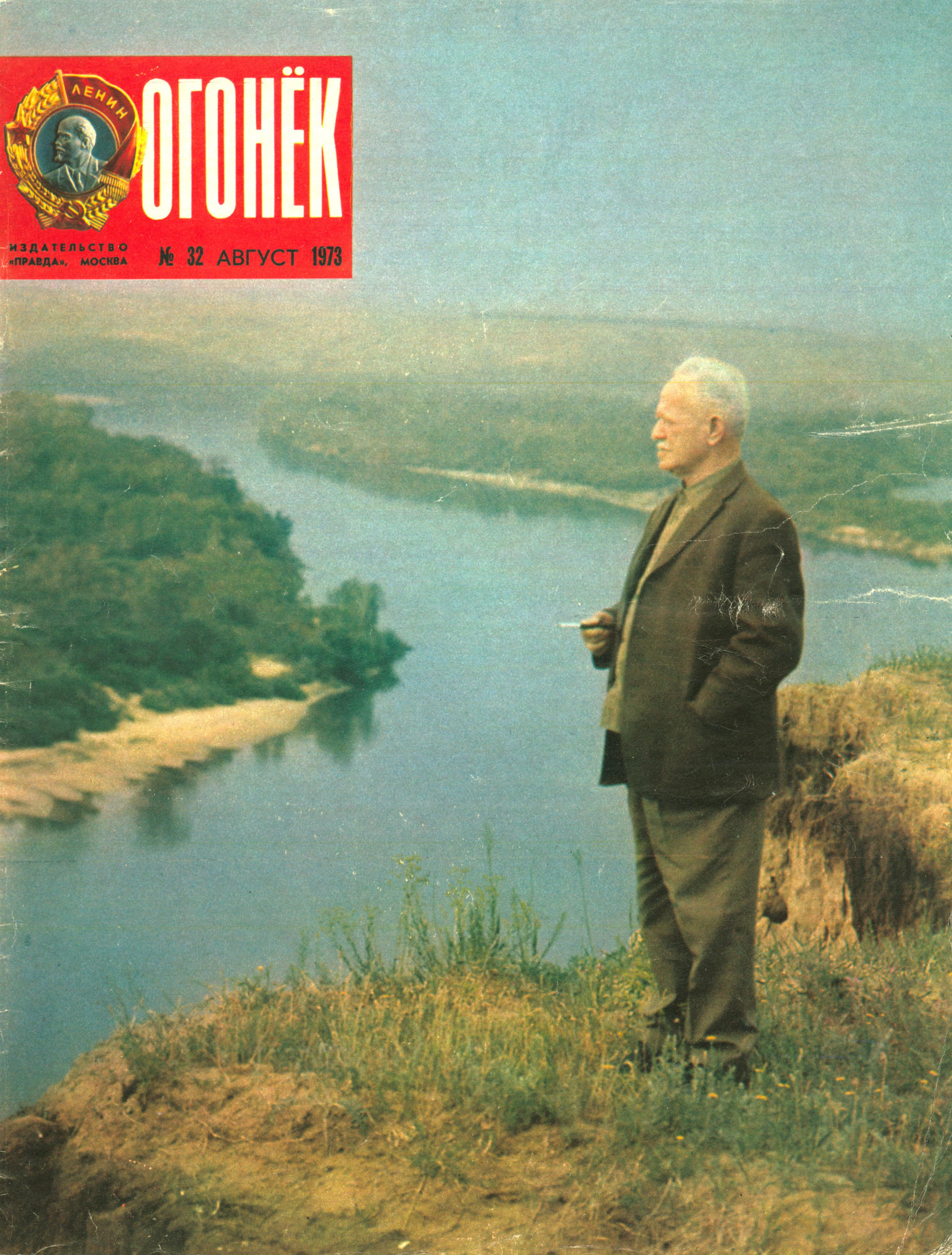

ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 32 АВГУСТ 1973

В ЕДИНОМ СТРОЮ –

Фото В. МУСАЭЛЬЯНА и В. СОБОЛЕВА (ТАСС).

Киев. 26 июля. Вручение Украинской Советской Социалистической Республике ордена Дружбы народов.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 32 (2405)

4 АВГУСТА 1973

© «Огонек», 1973

«МЫ УВЕРЕННО ИДЕМ ПО ПУТИ, ОЗАРЯЕМОМУ БЕССМЕРТНЫМИ ИДЕЯМИ ВЕЛИКОГО ЛЕНИНА. ПАРТИЯ ПРИЗЫВАЕТ РАБОЧИЙ КЛАСС, КОЛХОЗНОЕ КРЕСТЬЯНСТВО, ТРУДОВУЮ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЮ К НОВЫМ ПОБЕДАМ НА ЭТОМ ПУТИ, К НОВЫМ УСПЕХАМ В КОММУНИСТИЧЕСКОМ СТРОИТЕЛЬСТВЕ».

(Из речи Л. И. Брежнева при вручении Украине ордена Дружбы народов.)

Дружба народов. Эти два слова с первых стачек, с первых революционных атак, с первых боев за власть Советов стали символом социалистического государства, рожденного волей вождя революции Владимира Ильича Ленина, волей Коммунистической партии.

Дружба народов! Что может быть прекраснее, сильнее на земле!

Объединенные вместе, эти два слова несут в себе громадный социальный смысл, громадный заряд прочности той системы, которая скрепила неразрывной силой навечно эти два слова.

Мы говорим дружба народов и подразумеваем Днепрозскую плотину, вставшую наперекор стихии в далеких теперь уже тридцатых годах; мы говорим дружба народов и подразумеваем Магнитку, Первый Тракторный, Турксиб, металлургические гиганты Донбасса и Кузбасса... Мы говорим дружба народов, и за этими словами встают миллионы сынов и дочерей великой Советской Родины, защищавших ее в суровую годину, Ленинград и Севастополь, Сталинградская и Курская битвы встают за этими словами... И еще тысячи и тысячи городов и селений, деревень и деревушек и просто безымянных крошечных местечек, вырванных из хищных лап фашизма, встают за этими словами.

Мы говорим дружба народов, подразумевая социализм, подразумевая неуклонное, планомерное строительство светлого здания человечества, имя которому — коммунизм.

Каждый человек с самого своего рождения стремится к общению. У каждого человека с рождения заложено в сердце зерно дружбы. И зерно это должно дать росток, вырасти в прочное дерево, ибо дружбою силен человек. Но и народ силен дружбой. Но сколько прошумело ветров, сколько пронеслось ураганных шквалов над крохотным ростком в сердцах народов, пока не был этот росток защищен могучей спиной рабочего класса, взлелеян гением Ленина, и вот теперь стал он могучим деревом, взращенным Коммунистической партией.

И как символично, что в канун празднования 50-летия Союза Советских Социалистических Республик был учрежден новый орден Страны Советов — орден Дружбы народов. Перелистаем желтые папирусы и древние фолианты, заглянем в тысячи справочников и списков, нет, нигде на всем многотысячелетнем протяжении человеческой истории не най-

К НОВЫМ ПОБЕДАМ

Москва. 31 июля. Вручение Российской Советской Федеративной Социалистической Республике ордена Дружбы народов.

дем мы такого почетного знака, который бы отмечал собою дружбу народов.

Орден такой — веха истории. Веха, которой будет отмечено наше трудное и прекрасное время.

Дружба народов в самом прямом, самом человечном смысле собрала 26 июля тысячи киевлян во дворце культуры «Украина». На совместное торжественное заседание Центрального Комитета Коммунистической партии Украины и Верховного Совета Украинской ССР пришли металлурги и шахтеры, хлеборобы и доярки, убеленные сединами военачальники, комсомольцы — вся трудолюбивая, красивая, гордая и хлебосольная Украина. Люди пришли сюда, чтобы услышать слова дружбы, сердцами откликнуться на эти слова, заверить партию в своем стремлении жить и работать на благо коммунизма. Председательствующий предоставляет слово Генеральному секретарю ЦК КПСС Леониду Ильичу Брежневу. Долгими, несмолкающими аплодисментами встречает зал Леонида Ильича. И в этой сердечности, искренней, благодарной радости тоже рвется наружу из глубин сердец великое чувство дружбы.

«Дорогие товарищи! Друзья! — говорит Леонид Ильич.— В ознаменование пятидесятилетия великого исторического события, образования Союза Советских Социалистических Республик, у нас был учрежден новый орден — орден Дружбы народов... Я счастлив, что мне выпала честь вручить этот орден Украине...»

И снова бурные, продолжительные аплодисменты. «Много лет я проработал на Украине,— говорит Л. И. Брежнев,— сражался на ее земле в дни войны и, как и другие русские люди, хорошо знаю замечательные качества украинского народа и полюбил его искренней, сыновней любовью...»

Вдумайтесь на минуту в эти слова «сыновней любовью». Это великое право любить и быть достойным ответной любви любой из 15 наших республик не просто хорошие слова. Это выстраданное и закаленное в горнилах битв, кипучих трудовых буднях чувство.

На груди Украины рядом с двумя орденами Ленина, рядом с орденом Октябрьской Революции засверкал еще один — орден Дружбы народов.

В тот праздничный вечер в Киев словно бы нахлынули полевые ветры. Ветры, пахнущие украинскими нивами, вызревшими хлебами, ветры нового урожая...

Может быть, эти ветры принесли в Москву обильный летний дождь. Но в то утро по-майски зеленая листва на столичных деревьях тоже чуть пахла хлебной нивой. Да это и не удивительно. Время хлебозаров-зарниц, время, когда по народной примете зреют хлеба, кончается, и в Подмосковье на хлебные нивы вот-вот вступят комбайны.

Так или иначе, но утро 31 июля, омытое дождями, было необычным. Было оно уже в своем начале праздничным. Москвичи, а вместе с ними депутаты со всех концов бескрайней России, гости столицы, труженики полей, фабрик, заводов в этот день получали тот же, что и украинские братья, прекрасный орден Дружбы народов.

Большой Кремлевский дворец. Только что закончилась пятая сессия Верховного Совета РСФСР, обсуждавшая вопрос о мерах по дальнейшему улучшению бытового обслуживания населения РСФСР. В залах дворца рыбак Сахалина, хлебороб с Алтая, доярка с Вологодчины, шахтеры и металлурги, академики, учителя и писатели. Люди разных профессий и возрастов. Но все они, очень разные и непохожие друг на друга, в тот день несли в себе и на лицах что-то одно, общее. И это общее было опять же определено прекрасным словом «дружба». Идет торжественное заседание Верховного Совета РСФСР совместно с представителями трудящихся республики, посвященное вручению ордена Дружбы народов.

Слово предоставляется члену Политбюро ЦК КПСС, Председателю Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорному.

От имени Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза, Президиума Верховного Совета и правительства СССР он сердечно поздравил всех трудящихся Советской России с заслуженной наградой Родины. Мне приятно, сказал Н. В. Подгорный, выполнить просьбу Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева — горячо поздравить трудящихся республики в связи с этим знаменательным событием.

...И вот наступила торжественная минута. Тов. Н. В. Подгорный прикрепляет орден Дружбы народов к знамени Российской Федерации. И опять радушные, от самого сердца овации, совсем такие же, как в Киеве, ими откликнулся зал на слова Н. В. Подгорного о великой дружбе народов советских республик.

И снова овации, снова радостные лица, и в торжественную обстановку зала свежим весенним ветерком впорхнуло детство. Ребята в красных галстуках, с красными букетами цветов мигом заполнили зал. И это было тоже символикой нашего времени. Ведь ради них, нового поколения, в борьбе и труде растили мы и вырастили прекрасное дерево — дерево дружбы всех народов.

Юрий СБИТНЕВ

Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА.

В ЕДИНОМ СТРОЮ —

К НОВЫМ ПОБЕДАМ

ДРУЖЕСКАЯ ВСТРЕЧА

30—31 июля в Крыму состоялась встреча руководителей коммунистических и рабочих партий Болгарии, Венгрии, Германской Демократической Республики, Монголии, Польши, Румынии, Советского Союза и Чехословакии. На встрече обсуждались вопросы дальнейшего развития сотрудничества братских стран, а также актуальные международные проблемы.

Во время встречи.

Телефото В. Мусаэльяна (ТАСС).

СТРАДНАЯ ПОРА

Хлебостой на полях Белгородской области, овеянных боевой славой, радует глаза и сердца земледельцев. Хлеборобы Белгородщины убирают зерновые поточно-групповым методом.

На снимке: страдные будни в колхозе имени Первой Конной армии, Новооскольского района.

Фото О. Сизова [ТАСС].

КУР

Мало кто знал до войны эту неприметную станцию на железной дороге между Курском и Белгородом. Но теперь о Прохоровке знают не только в нашей стране, но и далеко за ее пределами.

Здесь 12 июля 1943 года произошло беспримерное в истории войн по своему размаху и ожесточению встречное танковое сражение. На небольшом участке местности столкнулись две бронированные лавины — 1 200 машин...

Недавно корреспондент «Огонька» Олег Скуратов встретился с бывшим командующим 5-й гвардейской танковой армии, Главным маршалом бронетанковых войск, Героем Советского Союза Павлом Алексеевичем Ротмистровым и попросил его ответить на ряд вопросов, связанных с этим историческим сражением.

В первые дни Курской битвы ваша армия находилась в резерве Ставки, за 350 километров от фронта. Как получилось, что противник, повернув основные силы в сторону Прохоровки, оказался лицом к лицу с 5-й гвардейской танковой армией?

Появление нашей армии под Прохоровкой было для врага полной неожиданностью. Но это мы помогли гитлеровским генералам и их разведке совершить столь серьезный просчет. Очень уж внимательно следили они за железнодорожными перевозками, бомбили мосты. Вот и появилось решение идти степью, разбившись на шесть маршрутов. Спасибо летчикам: они так прикрыли нас с воздуха, что за все время марша мы не видели ни одного немецкого самолета.

Армия шла днем и ночью, с короткими остановками для заправки машин. Все шлагбаумы на переездах были подняты. Любое встречное движение запрещено. Без задержек шли бесконечные колонны танков, самоходных установок, автомашин, орудий. Наверное, никогда, ни до войны, ни сейчас, не было так гулко и людно на тех степных дорогах...

Помнится, как от проплывающих мимо околиц с надеждой и тревогой смотрели на нас женщины и ребятишки. Ведь еще недавно они пережили ужас оккупации. Но теперь мы смело смотрели им в глаза, как бы говоря: «Нет, мы не отступим! Не дадим вас в обиду! Идет гвардия. И эту пшеницу будем убирать мы с вами... В этих садах — ваши яблоки! Не пропустим фашистов!»

Марш из Острогожска в район Прохоровки армия совершила, не потеряв ни одной машины. Мы уже вели разведку поля предстоящего сражения, а гитлеровцы еще не знали, что перед ними в оврагах и балках укрылась танковая армия.

Какие силы противника готовились к атаке на Прохоровку?

Враг хотел пройти здесь наверняка. Не сумев сломить сопротивление армий Воронежского фронта под Обоянью, он надеялся обойти их с востока, через Прохоровку. Казалось, весь цвет гитлеровских танковых войск собрался к берегам неприметной речушки Псел. Танковые дивизии СС «Адольф Гитлер», «Райх», «Мертвая голова». Но это было не все... С юга на Прохоровку нацеливалась оперативная группа «Кемпф» в составе трех пехотных и трех танковых дивизий.

Известно, что Воронежский фронт планировал на 12 июля мощный контрудар пятью армиями. Что помешало?

На войне такое случается. Противник ведь тоже что-то планирует и предпринимает.

Вечером 11 июля я находился на наблюдательном пункте вместе с представителем Ставки Маршалом Советского Союза Александром Михайловичем Василевским. Мы не отрывали глаз от окуляров биноклей и стереотруб. Неожиданно маршал сказал:

— Почему твои танки уже выдвигаются на Прохоровский плацдарм? Ведь их раньше времени обнаружат немцы!

Я поднял бинокль и действительно увидел более двухсот танков.

— Это немецкие танки, товарищ маршал! И стоят они на том рубеже, откуда завтра предполагали наступать мы...

Да, за 11 июля обстановка ухудшилась. Враг потеснил войска Воронежского фронта к северу и востоку. Соединения, которые предназначались для контрудара, вели тяжелые оборонительные бои. Они мужественно выполняли свой долг, отражая неимоверные по силе удары противника. Две армии, выдвинутые из резерва к Прохоровке,— наша и 5-я гвардейская генерала А. С. Жадова — в тот момент были готовы к нанесению контрудара.

Какие боевые задачи вы поставили перед своими подчиненными накануне боя?

Видите ли, надо было исходить из реального соотношения сил. Командование армии знало, что противник имеет превосходство в тяжелых танках, и решило навязать ему ближний бой, сводя этим на нет преимущество «тигров» в более толстой лобовой броне.

Для такого боя нужны, конечно, великая храбрость и беспредельное мужество воинов-танкистов. Военный Совет армии был уверен, что танкисты способны на такой подвиг. И верно, бойцы, командиры и политработники армии, проникнутые жгучей ненавистью к фашистским захватчикам и беззаветно любящие Родину, были готовы выполнить любой, самый трудный приказ командования. Словом, героизм принял массовый характер.

Боевым приказом по армии все наши четыре танковых корпуса ставились в одну линию с целью решительной сквозной атаки вражеской группировки, нацеленной на Прохоровку. Для развития успеха во втором эшелоне стоял 5-й гвардейский механизированный корпус генерал-майора Б. М. Скворцова.

Павел Алексеевич, расскажите о последних часах подготовки к бою.

Ночь на 12 июля была удивительно тихой. Над Прохоровкой не прозвучало ни одного выстрела. Только в глубине нашего расположения слышался приглушенный рокот моторов — это танковые корпуса побригадно выходили на рубеж развертывания.

В это время в войсках проводилась большая партийно-политическая работа. Лучшие бойцы и командиры вступали в партию. Только в 53-й бригаде 29-го танкового корпуса воины подали в те дни 702 заявления о приеме в члены и кандидаты в члены партии и 102 заявления о вступлении в комсомол.

Политработники армии на коротких митингах довели до личного состава обращение Военного Совета. Оно заканчивалось словами: «Вперед, на запад, за честь и свободу нашего народа!»

Всю памятную ночь на 12 июля продолжалась напряженная подготовка к решительному бою. Наши соседи слева и справа — героические армии Воронежского фронта — вот уже неделю вели ожесточенные бои с наступающим врагом. Теперь пришел наш черед.

Как началось прохоровское танковое сражение?

В 8 часов 30 минут, после короткого артиллерийского налета, четыре наших танковых корпуса, поддержанные авиацией, ринулись в стремительную атаку. Это было грозное зрелище!

Одновременно начал наступать и враг. Сотни танков и самоходных орудий двигались навстречу нашим корпусам.

Солнце, вставшее над курской землей, помогало нам. Оно хорошо освещало немецкие танки и слепило глаза врагам.

СКАЯ БИТВА

Июль 1943 года. Орловско-Курская дуга. Фото М. Савина.

Первый эшелон 5-й гвардейской танковой армии на полном ходу врезался в боевые порядки вражеских войск. Сквозная танковая атака была настолько стремительной, что передние ряды наших танков пронизали весь строй, весь боевой порядок противника.

Появление такого большого количества советских танков явилось для врага полной неожиданностью. Управление в его передовых частях нарушилось: «тигры», лишенные в ближнем бою преимуществ своего вооружения, расстреливались нашими танками с коротких расстояний.

На поле боя перемешались полки, бригады и корпуса. Их маневр был ограничен с одной стороны рекой Псел, с другой — железнодорожной насыпью. Вернуться и перестроить свои порядки не было ни места, ни времени.

Снаряды, посылаемые почти в упор, пробивали танки насквозь. Иногда взрывались боеприпасы, и танковые башни отбрасывались на десятки метров от искалеченных машин. Дым и дизельная гарь высоко поднялись над степью. Теперь авиация бомбила только тыловые колонны: отличить с воздуха своих от чужих стало невозможно.

Какой момент танкового сражения был наиболее критическим и опасным? Что тогда было предпринято вами?

Ведя бой с ударной танковой армадой гитлеровцев, мне приходилось следить и за южным направлением... Там к 8 часам утра войска вражеской группы «Кемпф» прорвали фронт 69-й армии и начали охватывать наш левый фланг. В разгар сражения в тыл армии могли пробиться еще сотни три вражеских танков...

В 4 часа утра по приказу командующего фронтом генерала армии Н. Ф. Ватутина я направил на угрожаемое направление свой резерв под командованием генерал-майора К. Г. Труфанова, а в дальнейшем — часть сил из второго эшелона, которые так нужны были здесь, под Прохоровкой.

Но и враг не дремал. К тринадцати часам он подтянул из резерва 11-ю танковую дивизию и совместно с дивизией СС «Мертвая голова» нанес сильнейший удар по нашему правому флангу и по участку обороны 5-й гвардейской армии в направлении села Полежаево.

Не имея резерва, я был вынужден выдвинуть на правый фланг две бригады 5-го гвардейского механизированного корпуса, предназначенные первоначально для развития наступления. И вражеские войска были отброшены от Полежаева.

Когда вы почувствовали, что враг выдохся, сломлен?

Пожалуй, только к вечеру этого тяжкого дня — 12 июля. Весь день до наступления темноты не ослабевало ожесточенное сражение. Сотни танков горели на искалеченном поле. Многих своих героев потеряла в тот день наша гвардейская танковая... Танкисты бились насмерть. Сражались в горящих машинах. Шли на таран...

Враг нес огромные, невосполнимые потери. За день боя он потерял под Прохоровкой около четырехсот танков, из них семьдесят «тигров». Потери в живой силе составили только убитыми свыше десяти тысяч вражеских солдат и офицеров.

Это сражение, по признанию гитлеровских генералов, было проиграно фашистскими войсками. Командующего эсэсовским танковым корпусом обергруппенфюрера Хауссера немедленно отстранили от командования, сделав его козлом отпущения.

После этого танкового сражения враг уже не мог наступать ни на Обоянь, ни на Прохоровку. Создались предпосылки для перехода наших войск в наступление.

Как выглядело поле боя после сражения?

Оно выглядело ужасно. Ведь с обеих сторон вышло из строя свыше 700 танков! Всюду виднелись тела убитых, искореженные самолеты, раздавленные орудия, бесчисленные воронки. И ни одной зеленой былинки—сплошь выжженная, черная, дымящаяся земля. И так на протяжении десяти — двенадцати километров — на всю глубину нашей атаки!

13 июля в армию прибыл Маршал Советского Союза Г. К. Жуков, горячо поблагодаривший танкистов. Вместе с ним мы объехали поле боя. Оно осталось за нами, и это имело огромное значение: мы, а не враг, получили возможность вернуть в строй подбитые машины.

А командование Воронежского фронта уже поставило нашей армии новую задачу: готовиться к наступлению на Белгород и Харьков.

Ник. КРУЖКОВ

ЖАР-ЦВЕТОК

Село Ульяново забралось далеко в глубинку: от Калуги до села километров 120, от Орла — 90.

Сторона эта веселая, ласковая, кругом раскинулись поля, луга, рощи; временами возникнут и уплывут мохнатые ели и старые ветлы, стоящие строгой стражей у дороги, или неожиданно засеребрится ручей, упорно пробирающийся сквозь густую осоку, или засмеются березки, скопившиеся толпой, нежные, как заневестившиеся девушки; едешь, смотришь на всю эту благодать, и душа наполняется покоем, и в памяти возникает и долго звенит есенинская строка: «приятственны наши места».

Действительно, невыразимо притягательная прелесть в этой шири, в голубом куполе неба, по которому важно, по-лебединому плывут крутобокие облака, во всем земном российском просторе, где дышится легко, бодро и чувствуешь себя так, словно умылся свежей, чистой, прохладной водой.

Вот, наконец, и Ульяново — большое село, спускающееся по косогору к речке,— совсем близко вьется Вытебень, приток Жиздры. Когда-то звалось село по-иному — Плохино: видать, в привольных здешних местах жилось людям не так уж важно. Впрочем, считалось оно не из бедных.

Как у Есенина:

Мы в важные очень не лезем,
Но все же нам счастье дано.
Дворы у нас крыты железом,
У каждого сад и гумно...

Шумели тут большие базары, где главной продукцией была здешняя пенька. Но не за пенькой приехали мы в Ульяново, бывшее Плохино. Вырос в этих глубинных местах яркий жар-цветок, который издалека светит людям, несет радость общения с прекрасным. Ценный цветок! И если бы он встречался людям чаще, то радостней жилось бы всем вокруг.

Вот какое объявление, теперь уж пожелтевшее, написанное суховатым, служебным языком, привлекло нас сюда:

В с. Ульяново открыта картинная галерея

Экспозиции включают подлинные произведения известных советских художников (живописцев и графиков) В. Серова, П. Васильева, В. Цыплакова, Я. Ромаса, И. Титова, К. Финогенова, В. Игошева, Б. Щербакова, А. Киселева, скульпторов Зеленской, Файд и др., а также картины местных самодеятельных художников-любителей.

Адрес галереи: с. Ульяново, ул. Лапшова, дом 8.

Еще и трех лет не прошло, как открылся этот своеобразный музей, а уже стал он известным не только в своей округе, но и далеко за ее пределами.

Откуда же он взялся? Кто посеял зерно? Кто следил за тем, чтобы не завяли первые, слабые ростки?

В Ульянове родился и вырос художник Алексей Васильевич Киселев — бегал он босиком по здешним пригоркам, играл в бабки с такими же, как он, ребятишками, учился в школе и отличался от других, может быть, только тем, что любил рисовать чем попало: карандашом, углем, акварелью, на картоне, на доске, на стене, на фанере. Видимо, глаз у мальчишки был зорче, чем у других, и чувствовал он красоту жизни острее, чем его товарищи по ребячьим играм. А вырос — работал учителем, организовывал колхоз, помогал строить новую жизнь, и рисовал, и учился этому славному мастерству — стал профессиональным художником, а недавно и заслуженным деятелем искусств. Замечено, что чем человек становится старше, тем больше тянет его к родным местам, тем они становятся милее сердцу. Когда Алексею Васильевичу перевалило за пятьдесят, он все чаще и чаще стал наезжать в родное село, благо, и родичей там было немало, и всегда оставлял односельчанам картину или этюд. Потом люди решили: надо собрать все полученное от земляка-художника вместе — пусть будет выставка, а может, и музей, дело покажет.

Так было посеяно зерно и взошел первый росток.

Картинная галерея, «сельская Третьяковка» — какая перспектива, какие неожиданные возможности для создания нового и необычного воспитательного сельского центра! Дело и впрямь стало расширяться: пример Алексея Васильевича Киселева подействовал вдохновляюще и на других художников. В основу развития галереи был положен принцип: давать в дар только подлинники. В самом деле, копий можно сделать немало, но копия, как бы тщательно она ни воспроизводила картину, не имеет в себе вдохновляющей силы первозданности. Весть о возникновении сельской картинной галереи распространилась по беспроволочной связи творческой дружбы между мастерами. Добрый пример А. Киселева оказался заразительным: в музей стали поступать картины от разных художников разных поколений, книги и монографии от искусствоведов.

Местное руководство отнеслось к начинанию художников с большим вниманием и полным сочувствием. Райисполком отдал под галерею свое собственное помещение, надо полагать, не худшее в селе. Калужский областной музей взял над «сельской Третьяковкой» шефство. Районная газета, а потом и областная открыли свои страницы для широкой информации о работе Ульяновской картинной галереи.

Маловеры утверждали, что эта затея — создать в селе художественный музей — нежизненна: «Придут люди, посмотрят и уйдут — кому здесь смотреть»? Маловеров посрамила жизнь: картинная галерея не только стала на ноги, окрепла, но и сделалась своеобразным средоточием культурной жизни на селе. За сравнительно короткое время ее существования галерею посетило около 16 тысяч человек. Это, разумеется, не одни лишь жители района и районного центра — сюда потянулись любители искусства со всех концов области, да и не только Калужской: ехали отовсюду, куда дошел слух о некоем чуде — сельской картинной галерее. Вот что пишут посетители в книге отзывов:

«Это замечательно! Как хорошо, что здесь можно познакомиться с картинами художников-земляков! З. Верещагина».

«Восхищены этой встречей с искусством. От имени пионеров и работников пионерского лагеря «Звездочка» старший пионервожатый Дулев».

«Мы, супруги Лейченко из Житомира, выражаем сердечную благодарность основателям галереи и особенно художнику Киселеву А. В.».

«Мы познакомились с известными художниками великого искусства. Воины Сов. Армии Рабий, Исламов, Меньшиков, Кожуров».

«Очарованы Малой Третьяковкой — жемчужиной с. Ульяново. Харикова В. Н., Хариков В. Д.».

Отзывов множество, и все они теплые, благожелательные, идущие от чистого сердца.

В отзывах посетителей неоднократно упоминается имя Татьяны Федоровны Смирновой, заведующей галереей. Хорошее дело всегда привлекает к себе хороших людей. И если Алексей Васильевич Киселев посеял зерно, то Татьяна Федоровна его выходила и взлелеяла. Она не художник и не искусствовед, она педагог, работала раньше инспектором роно. Но в пятьдесят лет стала искусствоведом, всей душой полюбила свою новую работу. Она отлично знает биографии художников, представленных в Ульяновской картинной галерее. Она с воодушевлением объясняет посетителям содержание картины, со знанием дела рассказывает о творческих приемах художника. Она содержит галерею в образцовом порядке — всюду сверкающая чистота, экспозиция грамотная, умело подчеркивающая искусство мастера. Сейчас у Татьяны Федоровны возникла мысль обязательно поступить на заочное отделение какого-либо специального института, чтобы полностью посвятить себя новой профессии, ставшей любимым делом. Меня искренне восхищают такие люди, сочетающие в себе горячую любовь к своему благородному труду со скромностью и сдержанностью, с умением работать спокойно, оставляя себя в тени, не выпячивая своих успехов.

Количество экспонатов в галерее все время растет. Дары мастеров живописи приходят со всех сторон. Прислав свою картину «Солнечный

П. Васильев. ПОРТРЕТ ПАРТИЗАНА П. КРИВОНОСОВА.

Ульяновская народная картинная галерея.

А. Плотнов. ПТИЧНИЦА ШУРА ЗАБАВИНА.

Ульяновская народная картинная галерея.

А. Киселев. РОДНЫЕ МЕСТА.

день», художник Н. Н. Золотарев сопроводил ее памятной надписью: «В дар Ульяновской картинной галерее. Пейзаж Калужской земли под Тарусой, рисован в марте 1972 года. С теплым чувством и уважением заслуженный художник РСФСР Золотарев». В. А. Игошев отдал галерее «Женский портрет» Г. Г. Ряжского. Дарственная надпись гласит: «Ульяновской картинной галерее с большим удовольствием передаю работу моего высокочтимого учителя, профессора Георгия Георгиевича Ряжского».

В галерее появилось несколько картин красноярских художников Ряузовых: «Тундра», «Осенний залив», «Летняя зорька», «Цветы». Они сперва отправили их посылкой Киселеву в Москву, а уж потом Алексей Васильевич переслал картины в Ульяново. В своем письме Алексею Васильевичу художники сообщили: «Высылаем для передачи в дар сельской галерее три работы от творческой семьи Ряузовых. Рады вашей инициативности внесения художественной культуры в жизнь, в народ».

Союз художников РСФСР передал галерее около пятидесяти работ — графика, живопись, скульптура. Художник Андрей Иванович Плотнов, возглавляющий комиссию Союза по шефству над народными музеями, отдал Ульяновской галерее две свои картины — «Осень на Куликовом поле» и «Птичница».

Смотришь картины, подаренные музею художниками, и видишь, что дары не пустяковые: галерея в Ульянове наполнена произведениями достойными, дающими радость зрителям, зовущими их к размышлению и раздумьям. П. Васильев предоставил Ульянову «Портрет партизана П. Кривоносова» — изображен здесь человек сильный, мужественный, истинный богатырь, сын русской земли, готовый и трудиться не покладая рук и защищать ее до последней капли крови. Старый мастер А. Лебедев-Шуйский, певец родной природы, в своей картине «Серебро» поэтически передал очарование русской земли — лес с густыми тенями на глубоком снегу, полный тишины и покоя, кажется, ни один звук не прорвется сквозь строй сосен. «Школьница» К. Финогенова и «Женский портрет» Н. Мещанинова раскрывают перед зрителем образ девочки-подростка и русской женщины, пленительных своей скромностью, простотой, глубокой задушевностью. А. Киселев привлекает внимание посетителей картинами «Ульяново» и «Родные места». Он дал возможность своим односельчанам взглянуть глазом художника на привычное, рядом находящееся и понять, сколько прелести в простом и обычном, — новизна восприятия неизменно радует его земляков, пришедших в музей...

Галерея растет, уже появился запасник, подыскано новое, более просторное помещение: в старом не хватает места. Дары продолжают поступать.

И не только от художников. При мне пришел к Татьяне Федоровне парнишка лет пятнадцати, Гриша Козин, и принес лучшее украшение своего дома — репродукцию картины Васнецова «Иван Царевич на сером волке» в старой, видавшей виды багетной раме. Татьяна Федоровна от души поблагодарила парнишку, но терпеливо объяснила, что принять его дар не может, — в галерее только подлинники картин. Гриша был огорчен и сконфужен, Татьяна Федоровна искренне растрогана.

В Ульянове случилось так, что галерея объединила вокруг себя молодежь, особенно школьную. Сельские мальчишки и девчонки, главным образом те из них, кто находится в «трудном», как считают педагоги, подростковом возрасте, вошли в круг друзей «сельской Третьяковки». Экскурсии в галерею стали обязательной частью учебной программы местной средней школы. При галерее работает студия, где усердно учатся владеть карандашом, пером и красками и озорные мальчишки и тихие девочки с трогательными косичками. Может быть, из них вырастут настоящие художники, а может, и нет: дело не в этом. Они заняты волнующей их работой, они приобщаются к искусству, учатся его понимать.

К Татьяне Федоровне каждый день приходят помощники и помощницы. Они ведут аккуратно и тщательно учет посетителей, помогают развешивать картины, составлять каталоги, наводить чистоту в галерее. Переступив порог музея, я сразу попал под обстрел двух Валь и одной Али — учениц Помидановой, Гарбузовой и Кузнецовой. Они тщательно расспросили меня, кто я, откуда, каких земель родом, и зачем пришел в галерею, и что мне здесь понравилось. Девчонки были шустрые, с веселыми глазами, с румянцем во все щеки.

— Ну, а вы кто? — спросил я их.

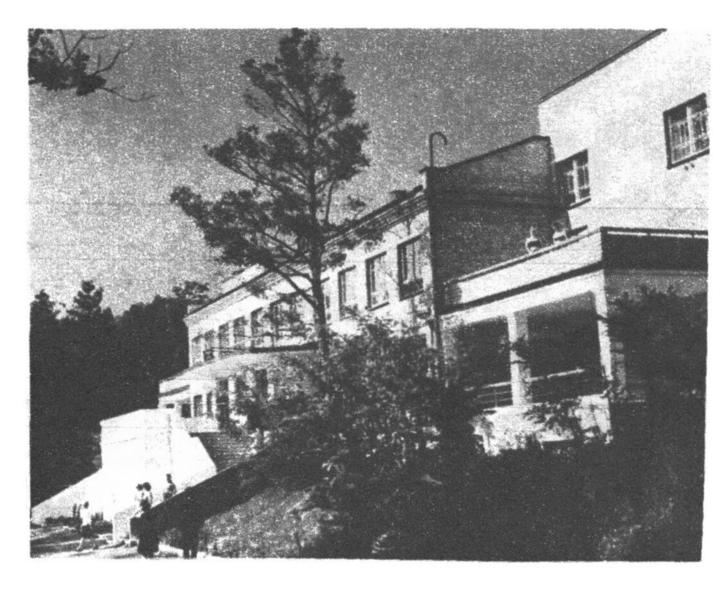
— А мы юнисты, — хором пропищали они.

Заметьте, не просто школьницы, а юнисты. Я потребовал разъяснений. Оказалось что загадочное слово «юнист» обозначает: юные искусствоведы. При галерее создалась целая организация любителей искусства, вот как! Некоторые из них уже пишут специальные сочинения. Так, например, Светлана Кургузикова, рассказывая о картинной галерее, сообщает: «Мне очень понравилась картина «Птичница» художника Плотнова. На этой картине нарисована улыбающаяся девушка, стоящая около маленьких, беспомощных цыплят. Еще мне понравилась картина «Эльбрус». На ней изображена гора — с одной стороны освещенная лучами солнца, а с другой нарисована синяя тень. От этого картина становится таинственной». Юнист Кургузикова учится в третьем классе «Б», значит, совсем еще крошка, а — поди ж ты! — какие предъявляет тонкие суждения. Опять-таки неважно, станет ли она в будущем ученым-искусствоведом, важно, что в ней уже пробуждено восприятие прелести искусства.

Горит жар-цветок в Ульянове, и уже множество людей разных возрастов вовлечено в прекрасную орбиту его влияния. Энтузиазм движет горами.

Татьяна Федоровна Смирнова — скромный человек, но ее знают все в селе и в районе, и каждый здоровается с ней почтительно и тепло. Жар-цветок горит, не вянет, светит, радует людей.

...«Привет тебе, жизни денница»!

Дальневосточный курорт «Шмаковка».

КУРОРТЫ — РЯДОМ

И. КОЗЛОВ,
председатель Центрального совета по управлению курортами профсоюзов

В сравнительно недавнее время жители Сибири и Дальнего Востока вынуждены были лечиться и отдыхать на отдаленных от них курортах Крыма и Кавказа. Между тем гидрогеологические исследования показали, что на востоке страны имеются почти все минеральные воды, используемые в лечебных целях. Например, только в Читинской области зарегистрировано свыше 300 углекислых и радоновых источников, грязевых и минеральных озер, много горноклиматических станций. Нарзан курорта Дарасун по своему химическому составу и лечебным качествам не только не уступает кисловодскому, но и значительно превосходит его. В центре Кузбасса, неподалеку от села Борисово, найдены источники, успешно соперничающие с водами Ессентуков. Радиоактивные воды курорта Белокуриха на Алтае — общепризнанный аналог всемирно известного Цхалтубо. Значит, лечиться и отдыхать там можно с не меньшей пользой, зато без лишних, вызванных дальними переездами затрат денег и времени. При этом будет избегнута и ненужная акклиматизация организма.

Сейчас в Сибири и на Дальнем Востоке уже действует свыше 80 профсоюзных здравниц. Они оснащены современным медицинским оборудованием, располагают высококвалифицированными кадрами специалистов. Совсем недавно на курорте «Озеро Шира» открыто специализированное отделение для лечения больных глаукомой, а на курорте «Садгород» — отделение для исцеления людей с остаточными явлениями после травм позвоночника и спинного мозга.

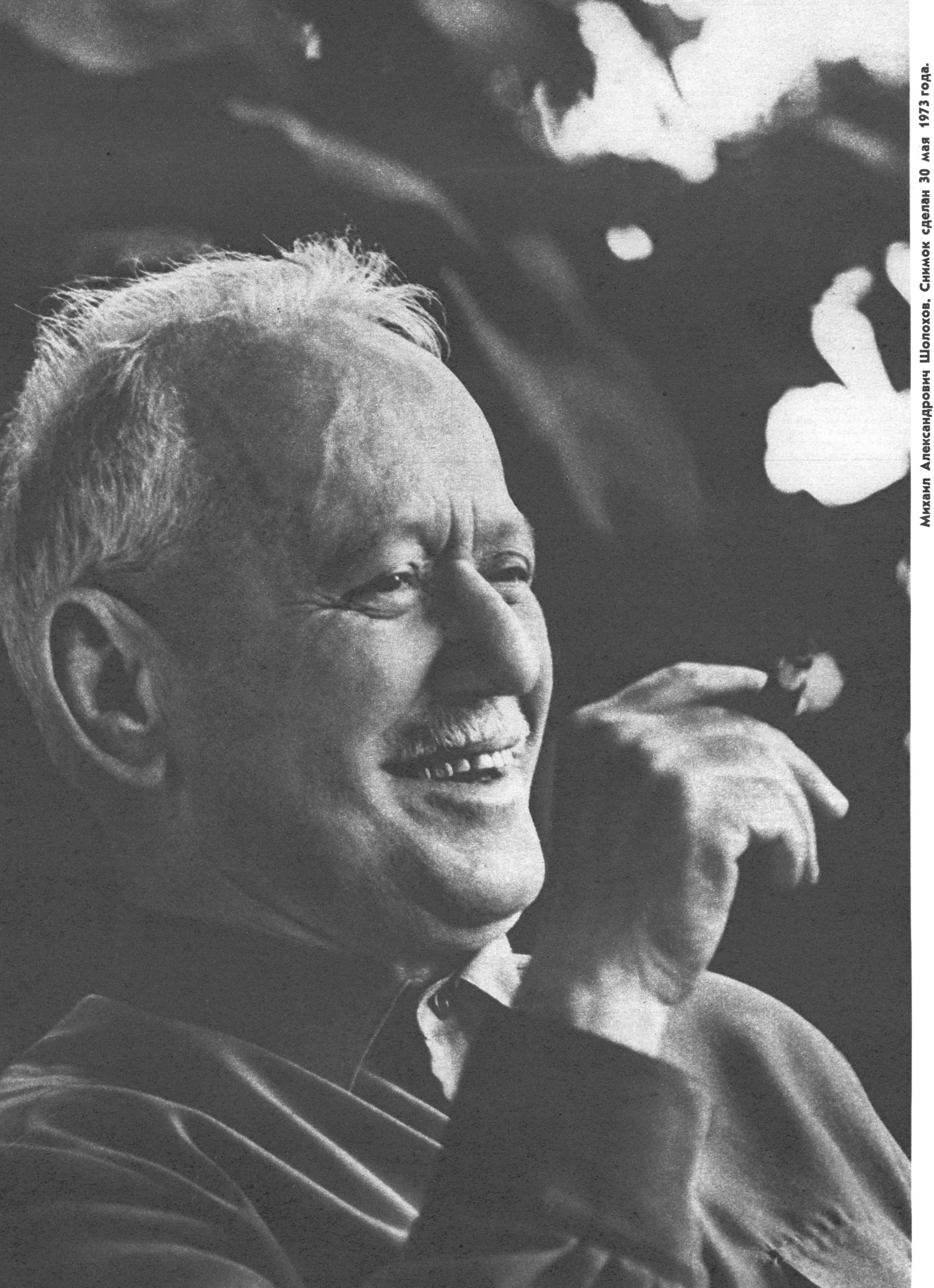
На развитие здравниц Сибири и Дальнего Востока в текущей пятилетке ассигновано около 160 миллионов рублей — почти в два раза больше, чем в предыдущей. Уже расширяются действующие курорты Дарасун и Кука в Читинской области, на озерах Шира и Учум в Красноярском крае, на озере Карачи в Новосибирской области, санаторий «Лазурный» и дом отдыха «Тихоокеанский» в Приморском крае, курорт Начики на Камчатке...

Одновременно строятся новые здравницы. Назову наиболее важные из них: курорт на 1 тысячу мест в районе Балахты, Красноярского края, санаторий «Жемчужный» в Хабаровском крае, курорт «Новое Усолье» и санаторий «Братское взморье» в Иркутской области, санатории на Сахалине. Лечебные корпуса и столовые здесь соединяются специальными переходами со спальными корпусами, что очень важно в условиях суровой зимы. Комнаты, располагающие всеми удобствами, рассчитаны главным образом на одного или двух человек.

С прошлого года в домах отдыха и пансионатах все большее внимание уделяется семейному отдыху. Родителей с детьми сейчас принимают такие дома отдыха, как «Мальтинский» в Иркутской области, «Анжерский» и «Торгайский» в Кузбассе, «Карасук» в Красноярском крае, «Мочищенский» и «Завьяловский» в Новосибирской области, «Седанка» в Приморье... Здесь созданы все условия для отдыха как взрослых, так и детей. Организованы детские площадки и аттракционы, приглашены воспитатели, на кухне готовится питание для ребятишек, в библиотеках подобраны детские книжки.

И тем не менее существующие здравницы Сибири и Дальнего Востока не могут полностью удовлетворить запросы тружеников этих районов. В соответствии с решениями XXIV съезда КПСС и XV съезда профсоюзов здесь уделяется все большее внимание развитию местных санаторно-курортных учреждений. Беда в том, что темпы строительства нередко отстают от потребностей населения. Так, например, с 1964 года строится курорт Большой Тараскуль в Тюменской области. Он очень нужен нефтяникам и химикам бурно развивающегося края. Прошло без малого десять лет, но курорт до сих пор не сдан в эксплуатацию. «Главсибпромстрой» Министерства промышленного строительства СССР не уделяет ему должного внимания.

Что же еще мешает хорошему отдыху? К сожалению, не везде местные организации проявляют должную заботу о людях, приезжающих на курорты. То не работают парикмахерские или мастерские по ремонту обуви и одежды, то закрыты фотоателье и другие службы быта. Не всюду хорошо организована торговля курортными товарами, минеральными и фруктовыми водами, мороженым, фруктами. Это не мелочи, и нельзя, чтоб они портили настроение людям. Сибиряки и дальневосточники должны чувствовать себя на своих местных курортах так же уютно, как где-нибудь в Сочи или Ялте.

Михаил Александрович Шолохов. Снимок сделан 30 мая 1973 года.

У ЛЕБЯЖЬЕГО ЯРА

А. СОФРОНОВ

Фото Н. КОЗЛОВСКОГО.

Когда в апреле прошлого года мы вместе с Анатолием Калининым по приглашению Михаила Александровича Шолохова улетали из Ростова в станицу Вешенскую, стояла ветреная погода, предвестница жары и суховеев, напавших прошлым летом на многие южные области. Полет на стар採ньком АН-2 был трудным. Почти долетев до Базков, где расположен аэродром, связывающий Ростов с Вешенской, мы вынуждены были вернуться в Миллерово и уже на райкомовской машине добираться к Шолохову.

В этом году весна запоздала. Холодная погода устойчиво стояла на Дону. Перед вылетом из Москвы в теплый воскресный день я позвонил Михаилу Александровичу. На мой вопрос, как он себя чувствует, Шолохов ответил:

— Я-то себя чувствую хорошо... А вот погода подводит. Пятый день пасмурно, а дождя нет. На улице восемь градусов тепла.— В голосе его были тревога и несвойственное ему раздражение.— Позвони из Ростова.

Утром 24 мая уже из Ростова я позвонил в Вешенскую, чтобы поздравить Шолохова,— в этот день ему исполнилось 68 лет. В трубке зазвучал совсем другой, с бодрой, веселой интонацией голос Михаила Александровича:

— Спасибо... Дожди прошли. Что собираешься делать на Дону?

— Несколько дней хочу провести в Цимле.

— Очень хорошо... А когда вернешься, прилетай ко мне.

— Я думал, из Цимлы машиной...

— Дорога за Цимлой плохая... Придется вернуться в Ростов, а оттуда самолетом. Буду ждать.

...И вот вместе с Николаем Козловским на маленьком самолетике ЯК-12, чем-то напоминающем голубую стрекозу, мы летим в Вешенскую. Уже далеко не молодой летчик, со стриженой седой головой, Тимофей Сафонович Смоляков время от времени оборачивается к единственным сидящим за его спиной двум пассажирам и показывает то направо, то налево, приглашая полюбоваться раскинувшейся под крыльями самолета, омытой щедрыми дождями природой. Около двух часов продолжается этот безмятежный, тихий полет. И вдруг появляется белый элеватор и голубовато-свинцовая полоска Дона.

— Приехали,— говорит Смоляков, направляя свою «стрекозу» к небольшому, стоящему среди волнующихся трав дому.

У самолета нас встречает секретарь Шолохова — Андрей Зимовнов.

— В пять часов вас ожидает Михаил Александрович,— говорит он.— Сейчас он отдыхает...

Когда-то, лет тридцать пять назад, впервые оказавшись в станице Вешенской для того, чтобы написать по заданию Ростовской кинохроники сценарий двухчастного документального фильма о Шолохове, потрясенный каким-то особым, своим, не похожим ни на что другое верхнедонским укладом казачьей жизни, я написал стихи «В станице Вешенской», посвященные Михаилу Шолохову. Там были такие строки:

Войдешь в станицу — старая она...
Спешат в сельпо казачки в полушалках.
Все незнакомые, и это жалко...
Узнать бы мне прохожих имена!

Хотелось бы немедля угадать:
В бордовой кофте или в кофте синей
Мелькнула за левадою Аксинья,
И сколько лет ей можно нынче дать?

Светлеет небо к полдню, и ясней
Станица вся приподнята на взгорье,
А голубое в зелени подворье
Как бы взлетело голубем над ней.

Шумит листва под ветерком степным
И прячет в тень щербатые пороги...
За тридевять земель ведут дороги
Из дома с мезонином голубым.

Много раз бывая уже после войны в Вешенской, при всех ощутимых для глаза переменах, происходивших в станице, я не мог отделаться от первого впечатления: все мне казалось, что вот-вот появятся незабвенная Аксинья и озороватый по первой своей юности и еще не осознанной глубоко любви и страсти Григорий Мелехов. Так прочно запало все это в память и сердце, что даже трагический исход «Тихого Дона» не мог все эти долгие и драматические десятилетия затемнить те заревые страницы первой книги «Тихого Дона».

Казалось бы, и сейчас все было на месте. Тот же песчаный берег, те же рыбаки с удочками, только сидели они на металлических основаниях наплавного моста.

— Это совсем новый мост,— сказал Зимовнов.— Михаил Александрович помог.

У въезда в станицу, на высоком бугре стоял высокий прямоугольник, сверху вниз по которому было написано: «Вешенская».

— А это новый въезд в станицу,— заметил Зимовнов.

К пяти часам вместе с секретарем райкома партии Николаем Александровичем Булавиным мы отправились из гостиницы к Шолохову. Да нет, уже не скажешь о Вешенской: «Войдешь в станицу — старая она...» На площади белое каменное возвышение, памятное место, где Юрий Гагарин, будучи гостем Михаила Александровича, выступал перед жителями станицы. Тут же новые высокие здания районных организаций, новый универмаг, а через несколько кварталов новый Дворец культуры с прекрасными зрительным и спортивным залами...

...Во дворе у Шолохова еще цвела сирень. Уже всюду отцвела она, а здесь какая-то особая, выбранная и посаженная Марией Петровной, дымчатая и белая, качала под ветерком крупными, густыми гроздьями.

Михаил Александрович стоял на высоком крыльце своего дома. Он улыбался своей вечной, шолоховской улыбкой.

— На этот раз долетели благополучно?

— Вполне...

— Садитесь... Видишь, сколько перемен после твоего звонка из Москвы? Дожди прошли — все стало получше... Булавин даже проволоку собирается продавать.

— Пока обожду еще, Михаил Александрович,— сказал смущенно Булавин.

Шолохов посмеивался.

— Он у нас правильный секретарь... Дождей не было... Район стал закупать проволоку, чтобы заготовить солому для корма. Скотину кормить надо, запасливый человек... Так, значит, не будем продавать?

— Пригодится проволока... Обождем продавать.

— А может, и в самом деле пригодится. Но главное, после таких дождей корма́ будут. Давайте кофе пить... Мария Петровна нервничает, остынет кофе.

Мы направились в дом, и беседа как-то незаметно перешла на всякие другие темы. Михаил Александрович вспоминал старых друзей и прошлые встречи. Так возникло имя Александра Александровича Фадеева. «Это был настоящий человек и настоящий писатель»,— с какой-то особой теплотой проговорил Шолохов. Он вспомнил комдива Жлобу, его полный сарказма ответ по поводу одного из невежественных приказов Троцкого... Вспомнил и других, в судьбах которых еще предстоит когда-нибудь разобраться истории.

— Обстоятельства острой классовой борьбы во время гражданской войны были таковы, что не всегда одни люди правильно судили о других... Впрочем, закончив «Тихий Дон», я закончил все и с гражданской войной,— как бы подвел итог этой теме Шолохов.

— А как с публикацией новых глав из романа «Они сражались за Родину»?

— Нет... Лучше печатать всю книгу целиком. Так будет более полное впечатление у читателей.

Мы вышли на крыльцо. Солнце катилось к горизонту. Сюда, на шолоховский двор, доносились далекое пение, звонкие мальчишечьи голоса.

— Отдыхайте, а завтра поедем к Лебяжьему хутору,— сказал Михаил Александрович, провожая нас.

Мы вышли за калитку, и невольно нас потянуло к берегу Дона. Там на взгорье несколько веснушчатых мальчишек, как когда-то кавалери-

М. А. Шолохов и секретарь Вешенского РК КПСС Н. А. Булавин на полях района.

сты, собирались бросить свои легкие тела в велосипедные седла.

— Как живете, ребята?

— Каникулы! — прокричал один из них, и все, обгоняя друг друга, устремились к станичной площади...

...Ранним утром мы снова были у Шолохова. Он встретил нас в той же легкой блузе защитного цвета, поверх которой был надет легкий пиджак.

На выезде из станицы, там, где лежали горкой трубы, Шолохов сказал:

— Вот из этого родника пьет вся станица... Чистейшая вода... Не было бы его, пришлось бы брать воду из Дона, а это значит — строить очистные сооружения... Большие затраты... Выручает родник.

Мы ехали узкой проселочной дорогой, с одной стороны которой густились посадки, а с другой — расстилалось пестрое разнотравье, желтые, алые, голубые и синие цветы.

— Бывают такие годы,— проговорил задумчиво Шолохов.— Пятнадцать лет словно прячутся в земле цветы, а потом вымахает столько их, что и названий всех не знаешь... Какое-то биологическое чудо. Это,— сказал он, указав на чубуки, качающиеся под ветром темнобагряных, с малиновым отливом цветов,— татарник... О нем писал Толстой...

Машина подошла к крутому, высокому берегу. Здесь Дон делал поворот. На другой стороне зеленел густой, отсюда, сверху, казавшийся малорослым лесок. Налево, под яром, желтел песчаный берег, а направо уходил в туманную роздымь берег, поросший деревьями. Вдали виднелись хаты Лебяжьего хутора... Шолохов подошел к самому обрыву и остановился. Взгляд его был задумчив, даже словно бы рассеян.

— Больше всего люблю я верховья Дона... Где еще такие места найдешь? — сказал он глуховатым голосом.— Нет-нет да и натолкнешься еще на диковатую местность... В низовьях такое не встретишь.— Он стоял на высоком берегу, в этом озаренном солнцем последних майских дней мире, словно бы ушедший в ту далекую, уже очень далекую пору, когда вот здесь, в этих местах, среди балок и яров, рождался «Тихий Дон», а еще до этого овеянные романтикой гражданской войны первые его рассказы, которые и сейчас, через полстолетия, так же волнуют нас накалом острой классовой борьбы, огненной лавой разлившейся здесь, в донских степях. И снова мысли уносились к страницам «Тихого Дона»... Может быть, в такое утро родились эти пронзительные, полные силы жизни строки четвертой книги:

«Туманным утром Аксинья впервые после выздоровления вышла на крыльцо и долго стояла, опьяненная бражной сладостью свежего весеннего воздуха. Преодолевая тошноту и головокружение, она дошла до колодца в саду, поставила ведро, присела на колодезный сруб.

Иным, чудесно обновленным и обольстительным, предстал перед нею мир. Блестящими глазами она взволнованно смотрела вокруг, подетски перебирая складки платья. Повитая туманом даль, затопленные талой водою яблони в саду, мокрая огорожа и дорога за ней с глубоко промытыми прошлогодними колеями — все казалось ей невиданно красивым, все цвело густыми и нежными красками, будто осиянное солнцем.

Проглянувший сквозь туман клочок чистого неба ослепил ее холодной синевой; запах прелой соломы и оттаявшего чернозема был так знаком и приятен, что Аксинья глубоко вздохнула и улыбнулась краешками губ; незамысловатая песенка жаворонка, донесшаяся откуда-то из туманной степи, разбудила в ней неосознанную грусть. Это она — услышанная на чужбине песенка — заставила учащенно забиться аксиньино сердце и выжала из глаз две скупых слезинки...»

Покачивали головами махровые татарники и еще какие-то неизвестные цветы. В небе проплывали легкие белые облака, звонко пели птицы. Весь мир был пронизан солнцем, запахом трав и недавних дождей и еще чем-то таким, чему нет названия, но от чего человек чувствует себя сильным и счастливым.

— Когда-то я здесь ловил стерлядь... В ту пору она еще водилась здесь,— сказал Михаил Александрович, словно возвращаясь на землю.— Ну что, поехали дальше?

Минуя хаты Лебяжьего хутора, подъехали мы к пологому в этом месте берегу Дона. Недалеко от берега в черной просмоленной лодке виднелась фигура рыбака.

— Клюет?— крикнул рыбаку Булавин.

— Не больно клюет,— раздался ответ с лодки.

Узенькой тропкой с бугра к Дону спускалась девушка в синем плащике. Девушка была в очках и оттого казалась очень серьезной. Она подошла к воде, сбросила туфельки и побежала босиком по воде вдоль берега...

— Может, к посевам поедем?— спросил Булавин.

— Поедем,— согласился Шолохов.

Возле ржи машина остановилась. Булавин и Шолохов на ощупь пробовали колосья.

— Сырая еще,— сказал Булавин.— Урожай будет средний.

— По такому году для нас и средний будет хорошим,— заметил Шолохов.— Снега мало было этой зимой. Снег в дефиците оказался.

Пора было возвращаться в станицу. Мы ехали вдоль березовой лесополосы.

— Заяц!— вдруг крикнул шофер.

И в самом деле: по узкой дорожке навстречу машине мчался заяц. Шофер дал резкий сигнал. Заяц остановился, подпрыгнул, а затем, как подстреленный, кинулся в посадку.

— Знают косые, где спасаться,— улыбнулся Михаил Александрович.

Машина резво шла к станице. Где-то уже возле окраины Вешенской массивный каток трамбовал неширокую насыпь.

— Это к хутору Андроповскому дорогу тянут,— сказал Шолохов.

И я вспомнил: в тот самый первый довоенный приезд в Вешенскую я побывал и на этом хуторе специально для того, чтобы повидать одного старого казака, про которого говорили, что именно с него написан Шолоховым дед Щукарь. Я встретился с дедом. Он с полной уверенностью говорил, что это так и есть, и даже показывал мне едва видный шрам на верхней губе, как свидетельство того, что его действительно кто-то зацепил на рыбалке крючком, после чего за ним и утвердилась кличка дед Щукарь. Для того, чтобы продемонстрировать свою резвость, он даже пробежал тогда, к моему удивлению, метров пятьдесят. Это он сделал уже для того, чтобы у меня не оставалось ни малейшего сомнения в том, что Щукарь, безусловно, написан с него.

Все это я и рассказал Михаилу Александровичу здесь же, в машине.

Шолохов улыбнулся:

— Тут многие деды считали себя Щукарями. Но у того, Ивана Тимофеевича Воробьева, есть и другая особенность... Когда здесь, у Дона, в сорок втором году стоял фронт, он подносил снаряды нашим артиллеристам, был награжден боевой медалью и очень этим гордился.

Мы подъехали к зданию Вешенского райкома партии. Булавин ушел в райком, а мы остались на улице с Михаилом Александровичем. Вскоре Булавин вернулся.

— Самолет из Ростова пришел.

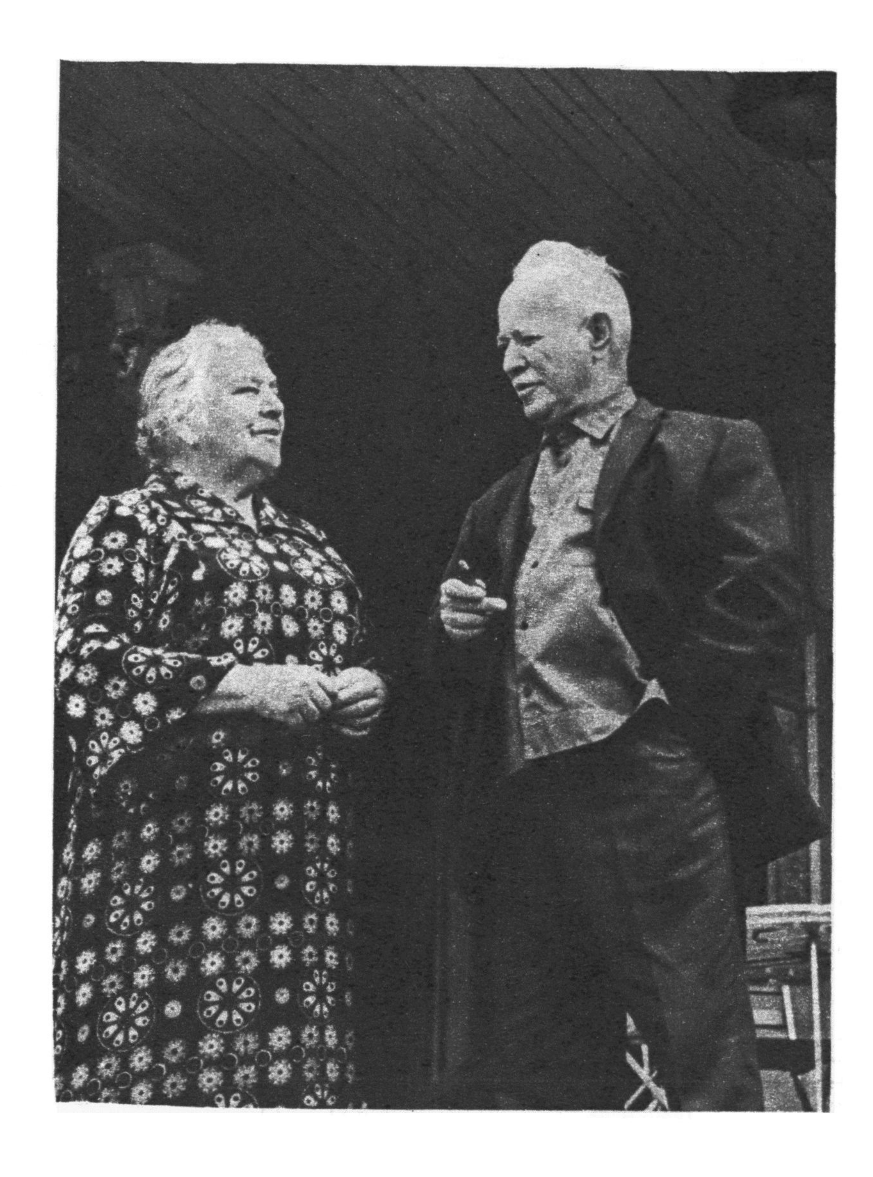
— Ну что же, привет друзьям. Приезжай еще... — сказал Шолохов.

И в этот момент к Михаилу Александровичу подошли школьники младших классов. В белых рубашках и красных галстуках, они были даже чуть торжественны. Пионеры как-то сразу окружили Шолохова, и один из них, видимо, самый смелый, обратился к нему:

— Михаил Александрович, сколько вы книг написали?

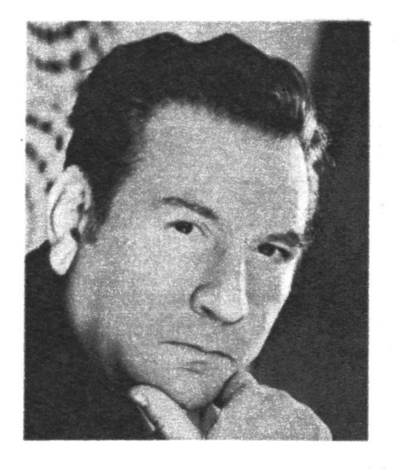
Шолохов улыбнулся и потрепал мальчику его льняной чуб.

А через полчаса снова в «голубой стрекозе» мы взяли курс на Ростов. Шли мы низко, на стометровой высоте, минуя полосы дождя и солнца. Под нами неторопливо проплывали хутора и поселки. Вынесенные в поле пасеки. Лесополосы, животноводческие фермы. Узкие ленты сверкающих серебром речек... Но перед глазами на крутом берегу Дона у Лебяжьего яра все у меня был Михаил Александрович Шолохов, человек и писатель, властной силой своего таланта ступив полстолетия назад на литературный путь, ставший гордостью XX века, совестью и честью всех светлых сил человечества.

Михаил Александрович и Мария Петровна Шолоховы.

Встреча на улице станицы.

Я каждый перед

Николай ДОРИЗО

* * *

О, как ты поздно,
молодость,
пришла.
Почти на тридцать лет
ты опоздала.
Всю жизнь мою
тебя мне не хватало...
О, как ты поздно,
молодость,
пришла!
Зачем пришла ты
именно теперь,
Зачем так жадно
чувствую тебя я,
Не только обретая,
но теряя,
Как самую большую
из потерь!
Я вроде был когда-то молодым.
Но мог ли быть я
молодым когда-то
Так истово,
так полно,
так богато,
Как в эти годы
ставши молодым.
Познавший цену
радостям земным,
Изъездивший почти что всю планету,
О, молодость,
лишь только мудрость эту
Могу назвать я
именем твоим!
Готов я бить во все колокола,
Приветствуя строкой
твое явленье.
Моя ты гибель
и мое прозренье,
О, как ты поздно,
молодость,
пришла!

* * *

От доброты ли,
может быть,
своей,
А может, это просто мягкотелость,
Хотел иметь я
только лишь друзей,
Врагов
иметь
никак мне не хотелось.
Я добрым был,
я не гневил богов,
Я не по лесу шел —
по перелеску.
Но не имея никаких врагов,
Я не имел
друзей
себе в отместку.
Хоть солона на вкус,
но дорога
Наука драки,
мудрая наука:
Начни с того,
что обрети врага,
А вместе с ним
ты обретешь и друга.

* * *

Мысль начинается
не с мысли.
А с чего?
С неизъяснимости
волнения первичной,
С обиды,
с гнева,
с нежности обычной.
У мысли с чувством
кровное родство.
Холодный ум,
он вовсе не велик,
Мысль чувственна,
и тем она прекрасна,
Лишь в муках чувства
вдруг,
в какой-то миг
Рождается ребенок мысли ясной.

«Начальник гостиницы рядовой Иван Труба»

Ни стихотворная строка,
Ни заголовок —
надпись эта
Прибита к двери кабинета,
Где вход в гостиницу полка.
А утром
строгий тот начальник,
Добротный,
плотный паренек,
Принес мне в номер дымный чайник
И печь усталую разжег.
Немногословен в разговоре,
Как чин начальственный велит,
Он пол надраил в коридоре,
Посмотришь,
душу веселит!
Он сам себе дает заданья,
Закрыв служебный кабинет,
Поскольку в штатном расписаньи
Ни замов,
ни уборщиц нет.
Сокращены предельно штаты,
Он на гостиницу один.
Куда-куда,
а в бюрократы
Его зачислить нет причин.
Слежу,
как трет он умывальник...
А ведь, по сути, дело в том:
Я тоже
сам себе начальник
За давним письменным столом.
И мне б
от фразы и до фразы,
Чтоб день за днем
вести свой стих,
Вот так
давать себе приказы
И выполнять железно их.
И нету
большего предела
И нету
большей высоты —
Не в том ли счастье —
сделать дело.
То,
что наметил на день ты!
Вода вкусна,
и хлеб твой сладок,
И хороша твоя судьба,
Лишь наведи во всем порядок,
Как рядовой Иван Труба.

* * *

Встают громады мощных теорем,
Уходят в космос
вещие ракеты,
Но краски древнегреческой секреты
Пока что не разгаданы никем.
В наш мудрый век
за все века впервые
Мы можем пересаживать сердца,
Но как постичь нам
волшебство жреца,
Тот гений
древней психотерапии?
Уж он таков,
самой природы нрав,—
Нельзя приобрести,
не потеряв.

* * *

О, как я
без работы
одинок
С веселым другом,
с женщиной любимой,
Потребностью влеком
необъяснимой,
Неутолимой жаждой
новых строк.
В себе так жалко не уверен я,
Как будто вправду
и гроша не стою.
Печатная фамилия моя
Мне
на обложке
кажется чужою.
Я мнителен.
Какого же рожна
Вдруг
я себя
нисколько не жалею,—
Так от строки внезапной
ошалею,
Что с нею
даже смерть
мне не страшна.
Я каждый день
перед собой в долгу.
Где мой предел,
конечная граница?
Пусть не могу я
больше, чем могу,

день собой в долгу...

Но как на меньшее
живому согласиться!
Молчат
во мне
тома стихотворений,
Мучительно
молчит во мне
мой труд.
Стихи
годами
ждут
своих мгновений,
Ждут нужных слов.
А годы все идут...
Своя галактика
есть в каждом человеке.
Есть чувства,
неподвластные словам.
Толстой и тот
с собой унес навеки,
Быть может, больше,
чем поведал нам.
Ищу с людьми
прямой сердечной встречи,
Вот почему я
без моих надежных строк
Беспомощен,
тревожен,
одинок,
Как на войне
без рации разведчик.

Зависть

Скрытая зависть —
ненависть,
Злобное мщенье.
Явная зависть—
Это почти поклоненье.

Ода врагам

Я возвращаюсь
К юности минувшей
И говорю:
За все спасибо вам:
Той женщине,
Внезапно обманувшей,
Верней,
в которой обманулся сам.
Мой враг,
Спасибо, говорю тебе я,
За факт существованья твоего.
Я был без вас
Беспечней и добрее,
Счастливей был
призванья своего.
Вы
посылали
вызов на дуэли,
Вы
заставляли
браться за перо.
Вы мне добра,
конечно,
не хотели,
И все же
вы
мне принесли добро.
Не раз я был
за доброту
наказан
Предательскою
завистью людской.
И все-таки
не вам ли
я обязан
Своею,
может, лучшею
строкой.

* * *

Чувствительней
с годами становлюсь,
Сентиментальней
становлюсь с годами,
И хоть я знаю цену мелодраме,
Над вымыслом слезами обольюсь.
Я обольюсь над вымыслом слезами,
В тот вымысел
поверивши всерьез,
И в освещенном
людном кинозале
Вдруг
воровато
испугаюсь слез.
Святую жалость к людям
от людей
В платок,
как насморк,
спрячу воровато,
Чтоб молодой иронии бравада
Не посмеялась
невзначай над ней.
Ребенка усмирю в себе,
врасплох
Застигнутый
двадцатым
взрослым веком
Мол, надо быть
серьезным человеком
В эпоху,
что серьезней всех эпох.
Я так боюсь своих невольных глаз.
А Пушкин плакал,
плакал, не скрывался,
Над вымыслом
слезами обливался
И был,
ей-богу,
не глупее нас!

* * *

Нет,
он не умер.
Тот последний миг,
Тот пульс
в прожилках
Все еще не тает.
Он умирает
на руках моих,
Он умирает.
Так было век назад,
И так сейчас
Конца и края нет ночи метельной.
О как он жив
До бледности смертельной,
Жив
до слезинки
Из усталых глаз.
Теснится
в стужу
Дымная толпа,
Глядит
с немой надеждой
На ворота,
И я стираю
С пушкинского лба
Своим платком
Святые капли пота.
Я хоронил
своих друзей
не раз.
В быту
живой о мертвом
забывает,
Но он не умер,
оттого сейчас
Такая боль:
он жив.
Он умирает.
Сижу я,
веки медленно смежив,
Божественные строки повторяя!..
Да. Та́к он жив,
что, даже умирая,
Он снова жив.
И будет вечно жив.

* * *

Благополучными
Не могут быть поэты,
И разлюбив
И снова полюбив.
Стихи
напоминают взлет ракеты:
Чтобы взлететь ракете,
Нужен взрыв.
К тому ж она ступенчата,
ракета,
Лишь потому ракета и летит.
Ступени бед,
Потерь твоих,
Обид —
Ее носители.
Поэт,
запомни это.
Но вот она достигла высоты
И отделились
от нее ступени.
Сгорели
и исчезли в дымной пене.
Летит ракета.
Значит, счастлив ты!

ЛЮДИ ОГНЕННОЙ ДУГИ

Б. СОПЕЛЬНЯК,
фото Д. Ухтомского,
специальные корреспонденты «Огонька»

Курская битва. Тридцать лет прошло со времени этого великого сражения, но память о нем жива и поныне: ведь это была одна из самых решающих битв Великой Отечественной... В июле — августе 1943 года гитлеровское командование пыталось любой ценой взять реванш за разгром под Сталинградом, добиться перелома в ходе войны, захватить утраченную инициативу. В районе Курской дуги враг сосредоточил 900 тысяч солдат и офицеров, 2 700 танков и штурмовых орудий, 10 тысяч орудий и минометов, свыше 2 тысяч самолетов. Фашистские генералы рассчитывали окружить советские войска, уничтожить их и тем самым открыть себе путь в Москву. Эту операцию, получившую кодовое название «Цитадель», гитлеровские генералы готовили с особым тщанием и были уверены в успехе...

Но командование Красной Армии сумело вовремя раскрыть планы гитлеровцев и противопоставило их армиям свыше 1,3 миллиона солдат и офицеров, 20 тысяч орудий и минометов, 3,5 тысячи танков и самоходных артиллерийских установок, более 3 тысяч самолетов. Эти цифры говорят о многом. Впервые в ходе войны наши войска превосходили врага в живой силе и технике: перебазированная на восток промышленность к этому времени смогла снабдить фронт всем необходимым.

На северном фасе Курской дуги были расположены войска Центрального фронта, которым командовал генерал К. К. Рокоссовский. На южном — войска Воронежского фронта под командованием Н. Ф. Ватутина. Замысел операции был таков: измотать противника в оборонительных боях, выбить его основное наступательное оружие — танки, а затем перейти в контрнаступление. Готовясь к первому этапу операции — к оборонительному сражению, командование обоих фронтов подготовило глубокоэшелонированную, многополосную оборону — до 200—300 километров в глубину. Очень важная роль отводилась стратегическому резерву Ставки — войскам Степного фронта под командованием И. С. Конева, занявшим оборону в тылу. Перед Степным фронтом стояла задача: остановить противника в случае его прорыва и принять активное участие в контрнаступлении, непрерывно наращивая силу ударов советских войск.

Немалую подготовку пришлось провести и командованию Брянским и Западным фронтами, которым совместно с Центральным, Воронежским и Степным фронтами предстояло завершить второй этап операции под кодовым наименованием «Кутузов» и «Румянцев».

Замысел Ставки полностью себя оправдал. В ходе оборонительного сражения, а затем контрнаступления Красная Армия уничтожила более полумиллиона вражеских солдат и офицеров, многие тысячи орудий, танков, самолетов. Именно здесь, под Курском, Белгородом и Орлом, была окончательно сломлена ударная сила гитлеровского вермахта и стратегическая инициатива полностью и навсегда перешла в руки советского командования.

Оценивая значение этого крупнейшего сражения, Генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев сказал: «Гигантская битва на Орловско-Курской дуге летом 1943 года сломала хребет гитлеровской Германии и испепелила ее ударные бронетанковые войска. Всему миру стало ясным превосходство нашей армии в боевом мастерстве, в вооружении, в стратегическом руководстве».

Летят годы, идут десятилетия... В канун тридцатилетия Курской битвы корреспонденты «Огонька» побывали здесь вместе с участниками боев. Вместе с ними они прошли по полям, оврагам, высоткам, там, где стояли их орудия и пулеметы, где они ждали сигнала к атаке, где располагались их полевые аэродромы. Словом, там, где не на живот, а на смерть бились они с врагом, где они выстояли под тяжкими ударами вражеской стали, смяли и разгромили фашистские орды и откуда сами ринулись в наступление. Вот имена тех, кто рассказывал о боях на Курской дуге: подполковник в отставке П. Г. Савинов, полковник в отставке В. Д. Михеев, технолог литейного цеха Курского завода тракторных запчастей Н. С. Букреева (Луценко), Герой Советского Союза, работник сельпо колхоза имени XXI партсъезда, Курской области, И. К. Непочатых, кавалер трех орденов Славы и ордена Октябрьской Революции бригадир садоводческой бригады колхоза имени Великого Октября, Курской области, Н. Г. Губин, полковник в отставке, председатель комитета ДОСААФ Белгородского котлостроительного завода, Герой Советского Союза Н. Н. Кононенко, работник одного из орловских фотоателье И. Д. Санько, председатель Ивненского райсобеса В. Я. Стороженко...

НОЧНОЙ ПОИСК

«В течение ночи на 5 июля на фронте ничего существенного не произошло». (От Советского информбюро. Утреннее сообщение 5 июля).

Двенадцать пар глаз с досадой следили за луной. Еще полчаса назад была темная ночь. Разведчики приготовились было к броску — и вдруг луна! Пришлось ждать хоть какого-нибудь облачка. Наиболее нетерпеливые начали ворчать:

— Когда же работать-то? Разве успеешь затемно сделать проход в минном поле, добыть «языка» и вернуться назад?!

— Ничего не поделаешь, придется ждать... Засекут — не избежать потерь. Да и задачу не выполним,— объяснял начальник разведки 15-й Сивашской дивизии капитан Савинов.

Наконец набежало облачко, прикрыло луну. Разведчики двинулись вперед. Вот и передний край. Залегли в окопе. Метрах в восьмистах — высота 256, которую солдаты окрестили «Шапкой». Враг укрепил «Шапку» так, что подступиться невозможно. А надо! Накануне к разведчикам приезжал сам командующий армией генерал Пухов и попросил — не приказал, а именно попросил — во что бы то ни стало

Орел давно поднялся из руин, стал краше, выше, больше. Место, где стоит памятник освободителям города, никогда не пустует.

Здесь полыхал огонь сражения. Земля залечила раны, новая, прекрасная жизнь расцвела на ней...

На развороте вкладки

Никакие «тигры» не сравнятся в мощи и величине с мирным богатырем — многоковшовым экскаватором, который ведет добычу железной руды в Михайловском разрезе.

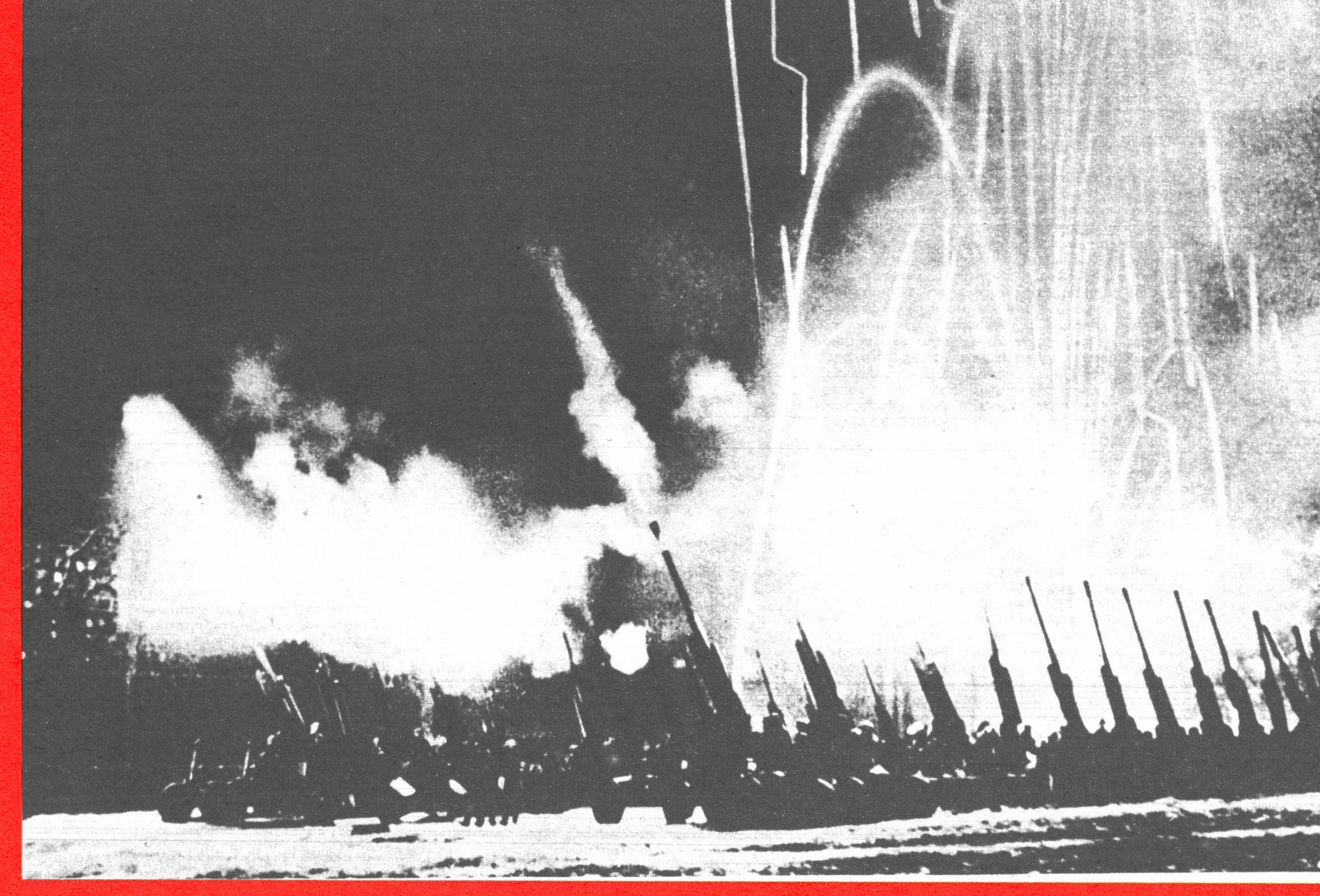
Бывший артиллерист Николай Губин бился с врагом под Прохоровкой и не пропустил бронированные полчища врага.

Первый артиллерийский салют в Москве советским войскам, освободившим Орел и Белгород.

добыть «языка». Тогда-то и родился план: идти на высоту не справа и слева, как это делали до сих пор, а прямо в лоб: тут немцы еще не пуганы, такого нахальства не ждут.

Группу повел лейтенант Милешников. Как только миновали заросшую травой пойму Оки, саперы проделали проход в минном поле. Выслав дозор, разведчики неслышно двинулись по нейтральной полосе. Вдруг идущие впереди дозорные замерли.

— Что случилось?— шепотом спросил Милешников.

— Слышу шорох... Вижу силуэты!

— Ложись! — скомандовал лейтенант.

Силуэты вражеских солдат приближались. Милешников приготовился: через минуту можно начинать. И тут кто-то из разведчиков кашлянул...

— Огонь! — не таясь, закричал Милешников.

Загремели автоматы, загрохотали гранаты. Через несколько секунд все было кончено. Но вот беда: кажется, ни одного живого фашиста! И вдруг в тишине раздался радостный возглас: «Ребята, один живой есть!»

Вернулись разведчики без потерь, хотя фашисты открыли бешеный огонь и на обратном пути пришлось собственными телами прикрывать пленного. Прямо на передовой капитан Савинов начал допрос:

— Имя, фамилия, подразделение? — спросил он.

— Бруно Фермелло. Сапер 6-й пехотной дивизии.

— Что делали на ничьей земле? — продолжал капитан.

— Проходы в минных полях. В три часа ночи мы начнем наступать! — сказал пленный.— Перед «тиграми» вам не устоять — через день наши войска ворвутся в Курск! Нам даже выдали специальный запас водки и еды, чтоб отметить взятие города...

Но капитан Савинов уже не слушал хвастливых речей фашистского сапера. Он узнал главное: время начала гитлеровского наступления. Через несколько минут об этом уже знали командующий армией генерал Пухов, командующий фронтом генерал Рокоссовский, представители Ставки маршал Жуков и маршал Василевский...

В два двадцать, когда фашистские войска вышли на исходные позиции, советская артиллерия провела мощную контрподготовку, и только три часа спустя фашисты смогли начать наступление.

УКРОТИТЕЛИ «ТИГРОВ»

«С утра 5 июля наши войска на Орловско-Курском и Белгородском направлениях вели упорные бои с перешедшими в наступление крупными силами пехоты и танков противника, поддержанными большим количеством авиации... По предварительным данным, нашими войсками за день боев подбито и уничтожено 586 немецких танков».

(От Советского информбюро. Вечернее сообщение 5 июля.)

Батальон капитана Михеева стоял под Ольховаткой. В ночь на 5 июля пришел приказ: контратаковать противника в боевых порядках пехоты. Заправились горючим, пополнили боекомплект и на всякий случай вырыли глубокие капониры. Не все понимали молодого капитана: получен приказ о наступлении, а он закапывает танки! Но Михеев знал, что делал. Недаром на войне с первого дня!

Закончилась артподготовка, прошел час, два, три. И вдруг раздался рев. Потемнело небо — так много гитлеровских самолетов повисло над передним краем. Машины засыпало по самые башни. Стволы пушек забило землей, люди оглушены. Но ни один танк не разбит — спасли капониры! А когда с холма, что высился впереди, покатилась лавина фашистских танков, Михеев спокойно приказал прочистить стволы орудий, привести в порядок триплексы и прицелы.

В бинокль хорошо видно построение атакующего танкового каре: впереди и на флангах тяжелые «тигры», в середине «пантеры» и самоходные орудия «фердинанды». Танки шли, не открывая огня, а «фердинанды», выскакивая на бугры, вели беспорядочную стрельбу.

Когда до «тигров» осталось метров пятьсот, Михеев приказал открыть огонь. Первыми же выстрелами танкисты подожгли три вражеские машины. Огибая их, другие танки подставили под огонь борта... Вот уже десять, пятнадцать факелов пылает на поле. Но враг все лезет вперед. Дым не дает дышать. Люди угорают, падают, встают, снова стреляют, стреляют. Некоторые не выдерживают дикой жары и чада, открывают башенный люк, но тут же захлопывают: в небе висят «юнкерсы», то и дело, сваливаясь в пике, сбрасывают бомбы, поливают из пулеметов.

Слева от позиций танкистов фашистам удалось смять нашу артиллерийскую батарею. Над флангом батальона нависла угроза. Пришлось менять позицию. Наша оборона на атакованных участках вминалась, вгибалась, но врагу нигде не удалось достичь желанного прорыва, выйти на оперативный простор. Враг утрачивал свою наступательную мощь, терял силы...

Ольховатка, Поныри, Самодуровка — эти деревеньки и поселки были ключевыми в обороне северного фаса Курской дуги. Именно здесь развернулись сражения, что свели на нет гитлеровское наступление. Именно здесь враг потерял большую часть своих танков, на которые делал основную ставку.

◀ Дарья Кирилловна Кузёмкина, жительница колхоза «Россия», Белгородской области, часто приходит к этому памятнику. Здесь, в братской могиле, похоронен ее сын, погибший под Прохоровкой.

«На Орловско-Курском направлении все атаки противника отбиты... На Белгородском направлении группе танков противника удалось вклиниться в оборону наших войск. За день боев подбито и уничтожено 304 немецких танка».

(От Советского информбюро. 8 июля.)

На роту лейтенанта Стороженко, которая стояла под Ивней, что на южном фасе Курской дуги (Белгородское направление), навалилось сто танков. «Тигры» и «пантеры» шли в открытую, не маскируясь. От этой неторопливости, уверенности в безнаказанности танкистов охватывало бешенство: хотелось нажать на рычаги, броситься навстречу, схлестнуться в ближнем бою! Но это верная смерть. Немало молодых танкистов поплатилось жизнью, не выдержав ожидания. Нет, в бою с противником, превосходящим в десять раз, нужна не только смелость, но и смекалка. Искусству вести танковый бой Стороженко научился еще под Москвой, в легендарной бригаде Катукова, в боях с танковой армадой Гудериана.

Осталось восемьсот метров... Можно бы стрелять. Но Стороженко сдержался: впереди овражек. Огибая его, вражеским танкистам придется подставить борта. Вот и овраг. «Тигры» нехотя отвернули вправо. Стороженко скомандовал: «Огонь!» Грянул залп! Другой! Третий! Все решает скорость стрельбы. Молодцы ребята! Четыре секунды — выстрел, четыре секунды — выстрел! Перед оврагом полыхает пять факелов. Еще один, еще!.. Хотелось бить и бить по заметавшимся вражеским танкам. Но Стороженко заметил, что «фердинанды» и часть «тигров» перестроились, повернули к высотке. «Полный назад!» — скомандовал он. Все десять танков задним ходом рванулись через гребень холма, скрылись за обратным скатом. И вовремя! Фашисты открыли ураганный огонь по капонирам, где только что стояли «тридцатьчетверки».

Пятнадцать атак предприняли в тот день гитлеровцы. Двадцать девять вражеских танков догорало на ржаном поле. Девять из них подбил экипаж лейтенанта Стороженко. Но на этом гитлеровцы не успокоились. Получив подкрепление, они двинулись в обход оврага. Здесь их встретил 209-й отдельный противотанковый артдивизион. Артиллеристы не успели окопаться — пришлось встретить врага на открытом месте. А тут еще появились вражеские самолеты. После бомбежки от пушек, казалось, ничего не останется. Но, когда гитлеровские танки подошли на дистанцию прямого выстрела, «сорокапятки» заговорили одна за другой, артиллеристы били по гусеницам. Завертелся на месте один «тигр», второй, третий. Вражеских танков было много. Но оглушенные, контуженые, раненые артиллеристы и не думали отступать или менять позицию. Никто не дрогнул, не спрятался в окоп, не отошел от орудия. У одной из пушек Николая Соломахи суетилась тоненькая девичья фигурка. Бывалые солдаты удивлялись: черт его знает, откуда у этой девчонки столько сил?! Как она вообще попала в артдивизион, как выдерживает бомбежки и танковые атаки?!

— Полтора года в нашем селе бесчинствовали фашисты,— рассказывает теперь Нина Сергеевна Букреева.— На моих глазах были расстреляны многие родственники и друзья-одноклассники. Так что к гитлеровцам у меня был свой, личный счет. Я дала себе слово: с первой же советской частью, которая освободит наше село, пойду на фронт. Первыми пришли артиллеристы. Я — к ним. А они смеются: не женское, мол, это дело — стрелять по танкам. Подавайся лучше в связистки или санинструкторы. Вначале я и была санинструктором, а потом на батарее ликвидировали эту должность, и я стала заряжающим орудия... В том бою, под Ивней, мы все-таки задержали вражеские танки: часть из них подожгли, другие повернули вспять. Потом пришел приказ переменить позицию. В нашем расчете остались только я да Соломаха. И откуда только силы взялись: под бомбежкой вдвоем выдвинули орудие на новую позицию, поднесли снаряды и снова открыли огонь.

НИ ШАГУ НАЗАД!

«На Орловско-Курском направлении противник за четыре дня наступления понес тяжелые потери в танках, живой силе и не добился успеха... На Белгородском направлении наши танкисты, артиллеристы и пехотинцы вели бои с танками противника, вклинившимися в нашу оборону».

(От Советского информбюро. 9 июля.)

За сахарный завод под Яковлевом, который был одним из опорных пунктов на южном фасе Курской дуги, сражались целые батальоны. А на самой территории завода в развалины врос — иначе не скажешь!—взвод автоматчиков Ильи Непочатых. Даже в те дни, когда откатывались наши танки, когда отходила артиллерия, автоматчики не уходили с завода. Дрались в окружении. Отстреливались до последнего патрона. Ходили в контратаки, возвращались с трофейным оружием и били врага из его же автоматов и пулеметов.

У защитников завода было всего два противотанковых ружья — не такая уж большая сила, но свое дело они делали. Главное — остановить танк, а там в ход шли бутылки с горючей смесью. Один танк остановили совсем невероятным способом — шинельной скаткой. Скатка угодила в зубья ведущего колеса, да так удачно, что гусеница соскочила. «Пантера» завертелась на месте и тут же вспыхнула, подожженная бутылкой.

В ночь на 9 июля фашисты прекратили атаки. Даже дежурный пулемет молчал. Ракет, которых обычно не жалели, тоже не было.

— Что они затевают? — спросил кто-то из бойцов.

— А может, хотят подобраться в темноте?

— Надо бы полюбопытствовать,— предложил Непочатых.

Два автоматчика сняли сапоги, каски, запаслись гранатами и исчезли в темноте. Вернулись они через час.

— Худо дело, командир. Не иначе, спалить нас хотят: понаставили, гады, огнеметов. А на высотке — крупнокалиберный пулемет. Чтоб, значит, бить, когда полезем из подвалов.

— Ладно... Дело ясное. Только и мы не лыком шиты!.. Вот что, хлопцы, уходим из подвала к котельной. А ты,— Непочатых кивнул одному из бойцов,— ты давай со мной!

На рассвете фашисты открыли артиллерийский огонь. Потом обрушили на позиции автоматчиков струи огнеметов. Над развалинами забушевало пламя. Теперь-то, казалось, завод можно взять голыми руками! Враг поднялся в атаку. И тут им в спину ударили очереди. Это открыл огонь Непочатых, который в темноте без выстрела уничтожил вражеский расчет и захватил пулемет. Наступающие кинулись было к котельной и... попали под огонь автоматчиков. А Илья тем временем хладнокровно расстрелял огнеметчиков и заодно орудийный расчет...

«На Белгородском направлении немцы ввели в бой крупные резервы и пытаются развить наступление на участке, где вражеским танкам удалось вклиниться в нашу оборону. Решительными контратаками советские части сковывают противника и наносят ему огромный урон».

(От Советского информбюро. 10 июля.)

Вражеские танки рвались к Прохоровке.

На околице наступающих встретила 19-я мотомехбригада. Командир 76-миллиметрового орудия сержант Николай Губин смотрел на медленно ползущие танки, а думал совсем о другом. Два часа назад он побывал дома: ведь его родное село Вязовое всего в тридцати километрах отсюда. Мать не сразу узнала в поседевшем сержанте своего двадцатилетнего сына... «Эх, мама, мама... Знала бы, что довелось пережить на войне!»

— До танков меньше километра,— доложил наводчик Иванов.

— Ничего, пусть идут. Видишь, как бестолково башнями крутят? Значит, нас пока не обнаружили... Работаем, как всегда: первый — по гусеницам, второй — в борт. И тут же — перенос огня. Ну, начинай с крайних!

Больше Губин ничего не сказал: некогда, расчету надо работать. И работать, как часы. Пушка методично изрыгала огонь, и ни один снаряд не пролетал мимо цели. Горят уже два танка! Еще один! Но на их месте появляются новые и подбираются все ближе и ближе. Вот снаряд рикошетом отскочил от «тигра». Но что за чудо: танк задымил. А экипаж не выскакивает, и башня медленно поворачивается в сторону батареи. «Нет, хитришь, фашист! — сообразил Губин.— Поджег на корме дымовую шашку и думаешь, избавился от путевки в рай?»

— Снаряд! — крикнул он.

Два выстрела раздались одновременно. Теперь уже «тигр» вспыхнул по-настоящему. Но и вражеский снаряд рванул у самого орудия. Упал Иванов. Николай занял его место.

— Снаряд! — крикнул он.— Снаряд!!!

Но снаряда не было... Оглянулся. От расчета осталось лишь двое — он да ефрейтор Козлов.

— Сейчас,— простонал Козлов.

Он полз на боку, прижимая к груди снаряд. Снаряд был красен от крови. Губин бросился к товарищу, на ходу доставая индивидуальный пакет.

— Стреляй! — прохрипел Козлов и пополз за следующим снарядом.

Еще два часа орудие Губина било по танкам. Но вот Козлов не поднялся. Упал рядом и контуженый Губин. Орудие замолчало. Давно молчала и вся батарея. Но перед ней догорало девятнадцать танков... Враг, не ожидая сопротивления, двинулся было вперед. Но тут на поле боя появились наши «тридцатьчетверки».

Так началось величайшее в истории Отечественной войны встречное танковое сражение под Прохоровкой.

Но битва развернулась не только на земле. Ожесточенные бои велись и в воздухе. Небо над Прохоровкой прикрывал 297-й полк 5-й воздушной армии. Эскадрилья истребителей, в которой служил лейтенант Кононенко, получила приказ перехватить бомбардировщики противника и не пропустить их к Прохоровке. Десять «Лавочкиных» против пятидесяти «юнкерсов» и тридцати «мессершмиттов».

— Внизу уже шел страшный бой,— вспоминает Герой Советского Союза Н. Н. Кононенко.— Танки стреляли в упор, шли на таран, экипажи схватывались врукопашную. Мы летели на малой высоте и все видели. Здорово помогали нашим танкистам штурмовики. Не зря их прозвали истребителями танков!

Только мы отвернули на солнце, набрали высоту — показались вражеские самолеты. «Мессеры» начали отсекать нас от бомбардировщиков.

«Убери ведущего «юнкерса»!» — приказал я по радио своему ведомому Коле Артамонову. Коля спикировал, и «юнкерс» загорелся.

Мы прорвались сквозь строй «мессеров» и навалились на бомбардировщики. Только так мы могли помочь танкистам! Главное—не пропустить к Прохоровке «юнкерсы»! Сорок минут продолжался бой, и ни один фашист к Прохоровке не прорвался, пришлось им сбросить бомбы на свои же войска. А девятнадцать вражеских самолетов мы загнали в землю! Иногда мы так увлекались погоней за бомбардировщиками, что забывали о «мессерах». Так случилось и со старшим лейтенантом Кучеренко. Он увлекся атакой и не заметил, что у него на хвосте висят четыре «мессера». Конечно же, они бы его сбили. Но ведомый Кучеренко — девятнадцатилетний Толя Добродецкий бросился на таран. «Мессершмитт» загорелся. В воздухе было так тесно, что в них врезался еще один «мессер». Так Толя одним тараном сбил два истребителя и спас товарища. За этот подвиг ему посмертно присвоено звание Героя Советского Союза...

А я из этого боя вернулся с сорока семью пробоинами. Причем все снизу. Значит, меня не достал ни один вражеский истребитель, самолет пострадал от зениток.

В тот день мне пришлось сделать семь вылетов. Самолет не успевали заправлять. Я приземлялся, пересаживался в другой, уже готовый к бою, и снова в небо... К концу дня танковое сражение закончилось. Сверху не было видно земли — всюду груды покореженного железа. А наши войска двинулись на запад, враг начал спешно окапываться, переходить к обороне. Был в этой победе и мой вклад — сбил десять вражеских самолетов.

Заканчивался первый этап Орловско-Курской битвы — оборонительное сражение. Наши войска готовились к контрнаступлению. На северном фасе Курской дуги оно началось 12 июля совместными действиями Центрального, Брянского и Западного фронтов. На южном фасе наступательная операция Воронежского и Степного фронтов, носившая условное название «Румянцев», началась несколько позднее, 3 августа.

Полковник в отставке В. Д. Михеев рассказывает посетителям Курского краеведческого музея об одном из эпизодов битвы, изображенном на диораме.

Бывший артиллерист Н. С. Букреева [Луценко].

Герой Советского Союза Н. Н. Кононенко охотно встречается с молодыми пилотами.

ЗНАМЯ НАД ОРЛОМ!

«Севернее Орла наши войска прорвали сильно укрепленную оборонительную полосу противника и за три дня напряженных боев продвинулись вперед на 45 километров. Восточнее Орла наши войска продвинулись вперед на 20—25 километров».

(От Советского информбюро.)

В ночь на 5 августа 1943 года наши войска стояли на подступах к Орлу, у самого железнодорожного вокзала. В 23 часа 30 минут в расположение разведроты 1262-го полка пришел подполковник Лапин.

— Орловцы среди вас есть? — спросил он.

— Нет,— ответил старшина.

— Может, кто-нибудь бывал здесь до войны, знает город?

Молчание.

— Так... А старые разведчики есть?

— Остался один — Санько. Остальные...— Старшина хмуро кивнул на свежий могильный холмик.

— Вот что, Иван Дмитриевич,— сказал Лапин.— Есть очень важное и очень трудное задание. Я бы даже сказал, нахальное задание,— улыбнулся он.— Поэтому нужны надежные люди...

— Да у нас новички, пополнение. Толком еще не обстреляны... Вот разве Образцов?— отозвался сержант Санько.

— Надо человек десять. Смотри сюда, — сказал Лапин и развернул сверток.

— Знамя!— ахнул Санько.

— Да, Ваня, знамя! Утром общее наступление. Будем штурмовать Орел. Сам знаешь, как много значит знамя в бою. Надо незаметно пройти в город и водрузить его на самом высоком доме.

Санько спрятал знамя под гимнастерку и склонился над картой... Через полчаса в темноту ушло 9 разведчиков. Перебрались через железнодорожное полотно. Вот и шоссе. Впереди взлетели ракеты, рядом вспыхнул прожектор. Разведчики замерли, изображая убитых. Как только свет погас, двинулись дальше. В темноте замаячила труба... «Все правильно,— мысленно отметил Санько.— Это машиностроительный завод имени Медведева». По улицам снуют мотоциклисты, ползут танки, пушки. Некоторое время выжидали в развалинах. Потом по одному перебежали улицу. Наконец и то самое пятиэтажное здание, которое назвал Лапин. Номера нет, но Санько узнал его по круглой пожарной вышке. Нашли! «А как же наверх? — думал Санько, ощупью пробираясь вокруг дома. — Стоп! Пожарная лестница».

Сержант приказал разведчикам занять оборону, чтоб прикрыть в случае чего, оставил за себя старшим Образцова.

— Если сорвусь, полезешь ты,— сказал Санько, забрасывая за спину автомат.— Сорвешься — падай молча.

Лестница качалась и скрежетала. Сверху сыпалась пыль — расшатанные крепления чуть держались в кирпиче. На третьем этаже руки провалились в пустоту. Сколько ни щупай, лестницы не было. «Спокойно!» — приказал Санько самому себе.

Спустился на второй этаж, влез в окно и по внутренней лестнице осторожно двинулся наверх. На уровне пятого этажа снова перебрался на пожарную — здесь она уцелела. По крыше полз, чтобы не гремело железо. Сверху все было видно как на ладони! На площади гитлеровцы устанавливают противотанковые надолбы. Левее — пушки. «Эх, гранатку бы на вас!» — вздохнул Санько и полез на пожарную вышку. Как ни старался, взобраться не мог: не за что уцепиться. Попытался влезть изнутри, сквозь разбитый потолок — тоже не достать.

Пришлось подойти к самому краю крыши и позвать Образцова. Санько встал ему на плечи, дотянулся до железного верха вышки и крепко-накрепко привязал знамя!

Назад вернулись почти без приключений. Никогда Санько с таким нетерпением не ждал рассвета, как в ту ночь, на 5 августа. Наконец посветлело небо. Первые лучи солнца вспыхнули на городских крышах, и все увидели: над развалинами, над гитлеровскими дотами, траншеями, пушками, танками гордо реет красное знамя! Грянул клич: «Даешь Орел!» И бойцы ринулись на штурм...

В тот же день в столице нашей Родины Москве в честь солдат и офицеров, освободивших Орел и Белгород, прогремел первый артиллерийский салют. Предвестник главного салюта по случаю Победы.

КНИГИ — ПОЛПРЕДЫ МОЛОДЕЖИ

Беседу с директором издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия» В. Н. Ганичевым ведет корреспондент «Огонька» Б. Смирнов.

Это произошло много лет тому назад. Молодой текстильщик из Твери написал о своем товарище-передовике. Рукопись автор предлагал московским журналам, и все безрезультатно. Тогда комсомольцы фабрики поехали в Москву, в молодежное издательство, и через две недели тоненькая книжечка была напечатана. Она оказалась весьма полезной: описанный в книжке почин был поддержан во всей стране. И лишь у автора настроение было слегка испорчено: на обложке первого литературного труда его фамилия была напечатана с ошибкой... Но книжка стала именно первой. За ней последовали новые работы, и имя их автора — теперь уже писателя Бориса Полевого — известно сейчас во всем мире. А издательство «Молодая гвардия», открывшее писателя в фабричном пареньке, выпустило еще много новых его книг, разумеется, уже без опечаток.

Историю эту и писатель и работники издательства вспоминают теперь с шуткой.

Сколько талантливых писателей, сколько видных прозаиков и поэтов начинало свой путь в «Молодой гвардии»! Отправил в это издательство свой роман «Как закалялась сталь» Николай Островский, здесь напечатали свои первые книги Михаил Шолохов, Михаил Светлов, Аркадий Гайдар. И по сегодняшний день десятки молодых людей входят через двери «Молодой гвардии» в большую литературу...

— Издательство находится сейчас в зрелом возрасте, недавно отмечалось его пятидесятилетие, — рассказывает директор «Молодой гвардии» В. Н. Ганичев. — Но суть нашей деятельности на протяжении всех этих лет оставалась прежней: быть рупором талантливой молодежи, служить верным помощником нашей Коммунистической партии и Ленинского комсомола. Таким видел издательство V съезд РКСМ, который 17 октября 1922 года принял решение о создании «Молодой гвардии», таким знают издательство читатели Советского Союза и всего мира. Миллионы выпущенных здесь книг имели огромное значение в жизни страны. Свидетельство тому — орден Трудового Красного Знамени, врученный нашему коллективу в 1969 году...

Стены в кабинете Валерия Николаевича заняты книжными стеллажами. На них — своеобразная биография издательства, целая коллекция выпущенных здесь книг. Конечно, не всех: никаких полок не хватит для тринадцати с половиной тысяч названий...

Вот продукция первого года жизни издательства — брошюры с речами В. И. Ленина, тоненькие книжки в помощь комсомольцам-пропагандистам, библиотечки для молодежи: «1-й круг чтения комсомольца», «Библиотечка девушки-крестьянки»... Годовой итог — 71 книга и брошюра тиражом 584 тысячи экземпляров. Для наших дней — цифра малая, а в те годы она была почти подвигом: у большинства работников издательства не было опыта, книги издавались на деньги, выданные ЦК РКСМ по распоряжению партии, но их не хватало — часть средств добавляли сами комсомольцы. Среди авторов имя Владимира Маяковского, издаются произведения А. Серафимовича, К. Федина, А. Толстого, Н. Асеева. 1932 год — «Молодая гвардия» знакомит читателей с бессмертным образом Павки Корчагина. Пожалуй, отсюда начинается галерея воссозданных в книгах издательства образов героев комсомола — здесь строители Магнитки и Комсомольска-на-Амуре, Зоя и Шура Космодемьянские, Александр Матросов, молодогвардейцы Краснодона, создатели гигантских электростанций и покорители целины. Целой эпохой в раскрытии тем героизма, революционной романтики, бескорыстного служения народу стали изданные в «Молодой гвардии» произведения А. Твардовского, Л. Леонова, Б. Горбатова, К. Симонова, А. Фадеева, Н. Тихонова, Я. Смелякова... Фактически с издательством сотрудничали все лучшие писатели нашей страны.

— Мы гордимся тем, что более сорока вышедших у нас изданий удостоены Ленинской и Государственной премий, — продолжал В. Н. Ганичев. — Впрочем, одна лишь коллекция подписей, оставленных нашими авторами на рабочих документах, могла бы стать находкой для любого музея. Например, за этим столом Юрий Алексеевич Гагарин прочитал и подписал верстку новой книги — за два дня до своего последнего трагического полета...

— Судя по книгам, издательство давно уже дружит с космонавтами?

— Да, нашими авторами стали Алексей Леонов, Владислав Волков, Георгий Береговой, сейчас в производстве книга Андрияна Николаева. Тема покорения космоса очень популярна у молодежи, она давно вышла из рамок специальной литературы — так же, как многие другие, бывшие «узкоспециальные» темы: кибернетика, психология, бионика... Большой популярностью пользуется альманах «Эврика», вторгающийся в самые различные сферы науки. Растет интерес к общественно-политической литературе — недавно осуществлен очень важный выпуск сборника высказываний Маркса и Энгельса о молодежи. Даже на этих примерах видно, как повысился уровень наших читателей. Границ для тематики нет: молодежь хочет знать все.

— Но ведь существует критерий, который определяет пригодность темы для молодежного издательства?

— Да, мы являемся издательством ЦК ВЛКСМ, и главное требование к выпускаемой нами литературе — способствовать коммунистическому воспитанию новых поколений советской молодежи. Такими должны быть все книги, в каких бы из наших редакций они ни издавались — комсомольской литературы, фантастики, спорта, художественной литературы...

— «Молодая гвардия» — изда-

Печатники — первые читатели. Работники цеха высокой печати Николай Болтнев и Виктор Калашников.

Фото Э. Эттингера.

тельство для молодежи. Очевидно, многие начинающие авторы именно здесь хотели бы испробовать свои силы. Какие дороги ведут их в издательство?

— Этих дорог немало. Говорят, талант сам найдет свой путь, но и мы должны идти ему навстречу. Такому сближению хорошо помогают наши сборники. «Родники» — сборник для тех, кто начинает путь в литературу, сейчас готовится очередной его выпуск с произведениями поэтов и прозаиков литобъединения Челябинского металлургического завода. «Молодые голоса» и «Молодые писатели»—серии книг поэтов и прозаиков, уже где-то печатавшихся, но незнакомых еще широкой публике: читатели любят самостоятельно «открывать» молодые таланты. Проводятся, кроме того, нами «молодогвардейские» конкурсы на лучшую книгу года молодого прозаика и поэта. Победителям конкурса этого года, нам кажется, суждено хорошее будущее в литературе, хотя выпустили они всего по одной своей книжке: Иван Уханов и Виктор Сычев, запомните их имена. Сейчас идет подготовка к VI Всесоюзному совещанию молодых писателей, и наше издательство вместе с Союзом советских писателей ведет отбор произведений молодых авторов — какие из них попадут в сборник 1974 года.

— А какие контакты издательство поддерживает с читателями своих книг?

— В год «Молодая гвардия» получает около двадцати тысяч откликов, предложений и замечаний к выпущенным книгам. Эта почта позволяет реально ориентироваться во вкусах, интересах читателей, дает верные оценки всей нашей работе. Кроме того, проводятся десятки конференций по обсуждению наших книг, в областях и республиках страны устраиваются «Недели молодежной книги». Особый читатель, основной «социальный потребитель» нашей литературы, — комсомольский актив, пропагандисты. Их отзывы в значительной мере определяют планы редакции. Сейчас главный заказ комсомола — литература о X Всемирном фестивале молодежи и студентов.

— Выпуск фестивальной литературы осуществлен, видимо, по отдельному плану?

— Мы подготовили около пятидесяти изданий — целую библиотечку. В нее входят книги «Третий, решающий», «Комсомол — Стране Советов», «Адреса IX пятилетки», сборники «Мы с одного земного шара» Л. Ошанина и «Интимная лирика» Е. Евтушенко, фотокнига лауреата Ленинской премии В. Пескова «Отечество», альбом «Молодежь Страны Советов», «X Всемирный» В. Василенко, книга о международном молодежном движении Г. Янаева и А. Поликанова «Возмужание», песенник «Песни Родины моей» и другие, самые разные по темам и жанрам издания. Впервые ряд молодежных издательств социалистических стран выпустил книгу о молодых героях — членах союзов молодежи — «Звезды первой величины», ряд изданий посвящен стране фестиваля — ГДР, ее молодежи. Мы рады, что наши книги поехали на Всемирный фестиваль как полпреды Ленинского комсомола, как посланцы «Молодой гвардии» — самого крупного издательства для молодежи.

К 75-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ В. КАЗИНА

ВЕТЕРАН СОВЕТСКОЙ ПОЭЗИИ

Творческая судьба Василия Казина типична для поэтов старшего поколения. Для него не было вопроса принимать или не принимать революцию, он с полным правом мог сказать: «Настоящее же начало моей творческой работе положил Октябрь, которому я обязан всем своим существом поэта».

Родился Василий Васильевич Казин в 1898 году в Москве в семье рабочего-водопроводчика, его детство прошло среди людей труда. В 1918 году вступил в Союз рабочей молодежи, был секретарем Бауманского райкома комсомола, основал в 1920 году вместе с другими поэтами литературную группу «Кузница», много лет отдал редакционной работе в журнале «Красная новь», в «Комсомольской правде», Гослитиздате.

Первый сборник стихов В. Казина «Рабочий май», вышедший в Петрограде в 1922 году, сразу же был отмечен М. Горьким, А. В. Луначарским, экземпляр этой книги хранится в личной библиотеке В. И. Ленина в Кремле. Стихи этого сборника, неоднократно потом переиздававшиеся, стали примечательным явлением ранней советской поэзии. В них не было присущих поэтам-пролеткультовцам декларативности и риторики, а были реальные человеческие чувства и переживания, ощущение радости жизни и труда. В поэзию Казина сразу вошел человек с открытым, широким взглядом на мир. «Рабочий май», «Каменщик», «Гармонист», «Рубанок» — эти и другие стихи поэта первых лет революции до сих пор волнуют свежестью и неподдельностью интонаций, молодым задором, какой-то особой, «казинской» теплотой:

Вскинул на плечо ремень
гармоники
И, рассыпав сердце по ладам,
Грянул — и на подоконниках
Все цветы поплыли по лугам.

В двадцатые — тридцатые годы Казин выпустил поэму «Лисья шуба и любовь» (1926) и сборник «Призвания» (1923—1936), где утверждается право человека на новые отношения, где звучит призыв «строить из мира мир иной», на новый, «на счастливый, солнечный покрой».

Василию Казину знакомо чудо истинной поэзии, умение увлечь читателя, взволновать его поэтическим открытием, глубиной и силой выраженного чувства. Казин — поэт-лирик. Основа лирики Казина — воспевание творческого, вдохновенного труда, созидания жизни, строительства нового общества.

Подлинный взлет поэзия Казина переживает в послевоенные годы. Отчетливо видны зрелость, богатство жизненного опыта в сборнике «Возвращение» (1937—1971). Точность, выверенность поэтического образа отличают циклы «Из осетинской тетради», «Из болгарской тетради», стихи о Москве, о покорителях космоса, но, пожалуй, особенно следует выделить другую «сквозную» тему лирики поэта — тему любви, верности, человеческого счастья. Ей посвящены «Твой образ», «В пути», «О тебе», «Верность». С подкупающей откровенностью и полнотой чувства пишет поэт:

На тебя глядишь — не
наглядишься.
Есть ли что прекраснее того,
Как ты вся пленительно
стыдишься
Силы обаянья своего?

Глубоко личной стала для В. Казина ленинская тема, она органически вошла в его поэзию с первым стихотворением «Ленин», написанным в 1920 году в связи с пятидесятилетием вождя. Казину посчастливилось видеть и слышать Ленина. У поэта сохранилась фотография, где он запечатлен рядом с Ильичем на первомайской демонстрации в 1919 году в Москве.

И вздрогну я с чувством
священным,
Как гляну в удачу свою,
Что с ним, с дорогим, с
незабвенным,
Я рядом, мальчишка, стою.

Наиболее полно ленинская тема раскрыта в поэме «Великий почин» (1954), где отразились воспоминания поэта о первом коммунистическом субботнике на Казанской железной дороге, участником которого он был. Строго документальная основа, простота, безыскусственность речи, живой, разговорный язык делают поэму одним из значительных произведений поэтической Ленинианы.

Пятьдесят лет отделяют первый сборник от книги стихов и поэм «Избранное» (1972). За это время В. Казиным написано немало нового и интересного. С годами все более крепло и совершенствовалось мастерство поэта, раскрывались перед читателем все новые грани его дарования.

З. УДОНОВА,
кандидат филологических наук

●

ПЕРВЫЕ ГОДЫ, ПЕРВЫЕ МЕСЯЦЫ

О том, как началась Великая Отечественная война, написано много книг. И все же обращение к событиям лета сорок первого года дает возможность писателю, глубоко исследующему время, раскрыть новые обстоятельства, дополняющие картину всенародной борьбы с фашизмом.

Виктор Кондратенко выступает перед читателем не только как беллетрист, но и как историк. Он прослеживает развитие сражений по главным этапам — с памятной ночи на двадцать второе июня и до битвы под Москвой, когда гитлеровские генералы поняли, что надежда на победу была лишь мифом.

Все главные персонажи романа — реальные исторические лица, и от этого возрастает читательский интерес к нему как к серьезному исследованию эпохи.

Из Ставки Верховного Главнокомандования Красной Армии писатель порой переносит действие в резиденцию Гитлера. Это позволило раскрыть напряженную борьбу генеральных штабов противостоящих армий, формирование ответственных решений, влияющих на ход войны.

Одно из достоинств романа — яркое изображение того, как из глубины просторов нашей страны накапливались силы, обрушившиеся на врага сокрушительные удары. Имеющие военный опыт гитлеровские генералы и фельдмаршалы оказались неспособными подчинить себе развитие событий. Опьяненные временными успехами, они отдавали приказы, свидетельствующие о катастрофической недооценке и могущества Советского Союза и военного искусства полководцев, воспитанных Коммунистической партией.

Командующий Юго-Западным фронтом генерал Кирпонос действует в необычно сложных условиях. Неожиданное наступление, начатое гитлеровцами, помешало планомерному развертыванию сил фронта. Наши дивизии вынуждены были с ходу занимать оборону и на узких участках отражать массированные атаки танков и авиации. Все время нарушалась связь со штабами армий, и это мешало оперативной оценке сложившейся обстановки. Даже связь со Ставкой прерывалась на много часов.

Тем не менее Кирпонос, начальник штаба генерал Пуркаев, командармы генералы Музыченко и Потапов, полковник Баграмян делают все возможное, чтобы остановить врага.

В романе рассказывается и о том, как был осуществлен вызванный необходимостью помешать быстрому форсированию Днепра гитлеровцами взрыв киевских мостов группой полковника Мажирина, который был комендантом города.

Глубоко трагично последнее прощание Мажирина с мостами, олицетворяющими для него самое дорогое, что связывало его с недавними еще мирными днями.

Виктору Кондратенко удалось убедительно показать, что, несмотря на большие потери нашей армии в первый период войны, основные силы и стратегические резервы страны оставались нетронутыми. Ставка, с каждым днем наращивая мощь новых корпусов, подготавливала решительный удар, который скажет всему миру о том, что Москва выстояла и что она достаточно сильна, чтобы нанести врагу окончательное поражение.

Новый роман В. Кондратенко, несомненно, займет свое место среди произведений, посвященных летописи Великой Отечественной войны.

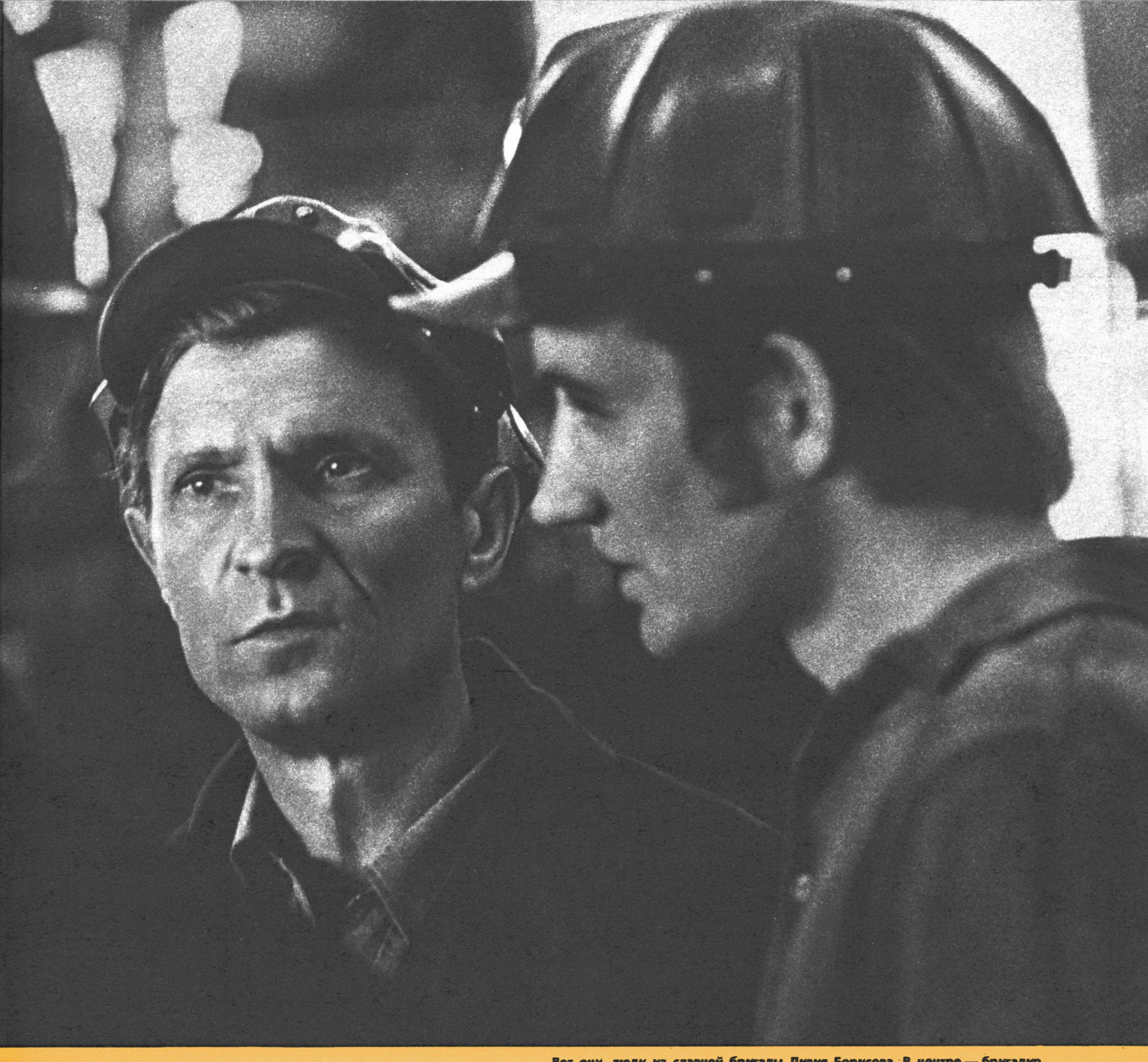
Виктор Кондратенко. Полюшко-поле. Роман. Воениздат.

Ал. ПЕТРОВ

РАБОЧЕЕ СЕ БРЯН

Брянскому машиностроительному заводу исполнилось сто лет. В печати сообщалось, что завод награжден орденом Ленина за высокие производственные показатели и в связи с юбилеем. Эти свои страницы «Огонек» посвящает сегодня брянским машиностроителям — истории предприятия и нынешней жизни прославленного коллектива.

Вот они, люди из славной бригады Ливия Борисова. В центре — бригадир

РДЦЕ ЩИНЫ

Николай РОДИЧЕВ
Фото А. БОЧИНИНА.

1

Есть что-то океанское в самом облике завода, когда смотришь на него с Городищенского взлобка, рассеченного асфальтированной дорогой к центру Брянска. Мы, собственно, ведем разговор лишь о части областного города, его окраине, правда, части очень важной для всего Брянска. Здесь, в этой стороне, рабочее сердце пролетарского и партизанского края. Зелень обильно плодоносящих садов Городища, порéдевшая, но все еще густая темень вековых дубрав в заречье, зелень, заполонившая кварталы большого, современного города... Может, потому и весьма внушительные современные корпуса завода даже с высоты городищенских круч не кажутся такими уж крупными. Завод не давит, как случается в иных местах, на жилые массивы, не заслоняет монументальностью все остальное. Приблизившись белыми корпусами к слиянию двух древних рек, Болвы и Десны, омываемый водами этих рек, за-

вод выглядит флагманом мощной флотилии. Может, сама судьба уготовила Брянскому заводу быть этим флагманом индустрии, снабжающей океанские лайнеры двигателями. Завод выпускает отнюдь не только дизели, производит и тепловозы и уникальные рефрижераторные секции, завод относится к предприятиям крупного машиностроения и выдает почти три четверти своей продукции со Знаком качества. А это уже никакими природными условиями не объяснишь. Здесь нужен Труд с большой буквы, нужен Талант.

В рассказ об этом заводе настойчиво просятся громкие слова, соразмерные делам его нынешних тружеников, его истории. Но начну с такого эпизода.

Час тому назад в парткоме завода закончилась беседа с ветеранами Василием Алексеевичем Колосветовым, Константином Даниловичем Орловым, Иваном Васильевичем Кореневкиным. Их пригласила по здешнему обычаю, как водится перед важным событием, молодежь: готовилась к сдаче на присвоение государственного Знака качества самая сложная машина из выпускаемых на Брянском машиностроительном — судовой дизель ДБ-6. Конечно, бывшие слесари, токари, электросварщики, работавшие своими руками паровозы и вагоны, не были специалистами по дизелям. Судовой двигатель — новая и свежая ветвь на могучем древе заводской родословной. Это — своеобразное техническое чудо, перед которым былые красавцы локомотивы выглядят приготовишками. Однако ветераны не обнаружили перед новинкой, изготовленной внуками, ни смущения, ни наивного восторга. Глаз человека бывалого вбирает в себя многое. И по малым приметам ветераны определили главное: есть ли порядок в сборочном цехе; как держат себя у машин нынешние мастеровые; хозяева они своему детищу или так себе, в чем уверены, а в чем еще и сами сомневаются, ждут подсказки.

Дав «добро» очередному изделию современного завода, старики напомнили о том, что и в былые времена, когда их трудом хищнически пользовались хозяева-акционеры, понятия «рабочая честь», «брянская марка» были не пустым звуком и для рядовых тружеников. Сохранились отчеты Орловско-Витебской железной дороги за 70-е годы прошлого столетия, когда завод лишь начинал свой путь, выпускал рельсы. В тех отчетах сравнение брянских рельсов с привозными английскими явно не в пользу англичан. На Всероссийской промышленной выставке в 1882 году (предприятию тогда не исполнилось и десяти лет) брянским металлистам за быстрые успехи производства было высочайше дозволено изображать на изделиях завода государственный герб. А на Всемирной парижской выставке в 1900 году брянские паровозы с шестью движущимися осями были признаны самыми мощными, экономичными и быстроходными для своего времени. Именно брянскую модель локомотива пожелали увезти за океан американцы, чтобы внедрить ее на своих железных дорогах...

Для бригадира сборщиков-испытателей судового дизеля Ливия Борисова, старшего мастера участка Анатолия Кривошеева, заместителя начальника цеха по дизелестроению Леонида Кочукова, готовивших вместе с рабочими судовой дизель к предъявлению межминистерской комиссии, воспоминания ветеранов о былом — седая древность, дела давно минувших дней. А для Ивана Васильевича Кореневкина столетие завода — это жизнь его собственная и жизнь его отца. О заводском веке, прошумевшем в верхушках исполинских тополей у проходной, он отозвался одной фразой: «Я проработал здесь 51 год, а отец, Василий Павлович, станочник, работал со дня основания завода».

Помнит Иван Васильевич, как мастеровые выполняли заказ на стальную одежду для броненосца «Князь Потемкин Таврический» и других кораблей Черноморского флота, помнит, как, едва национализировав предприятие, обсуждали в цехах «Брянские правила» перед их отсылкой в Москву, Владимиру Ильичу... Учились жить без хозяев!

Старожилы свидетельствуют: предприниматель Губонин, основавший завод, не скупился на оплату инженеров. Однако главный источник его славы и богатства — эксплуатация цеховых, скудная плата за их пот и кровь, за их мастерство. Дело доходило до того, что денег вообще не платили, труд отоваривали залежавшимися продуктами из лавчонок хозяина завода. Видимо, не случайно слух о брянских харчевнях дошел до Н. А. Некрасова, и поэт стал первым летописцем завода, посвятив ему горькие иронические строки:

А ныне, милость божия! —
Досыта у Губонина
Дают ржаного хлебушка,
Жую — не нажуюсь!

Брались за летопись и чиновные люди. Инспектор Замосковских горных заводов К. Иордан, посетивший Брянский завод через двадцать лет после его основания, так отозвался о казармах-бараках, сооруженных для работного люда: «Тут без всякого преувеличения можно лишь делать сравнения с помещениями для домашнего скота, до такой степени они своим неопрятным видом и грязью мало напоминают о жилье людей».

О том, как брянский пролетариат «давал сдачи» эксплуататорам, бастовал, сплачивался в единую революционную организацию, можно было бы рассказать многое устами тех же ветеранов, о которых мы упомянули выше. Все они были участниками забастовок и ссылались на разные сроки. Созданный на заводе «Союз сознательных рабочих» был прямым отголоском на организацию ленинского «Союза» в Петербурге. Сохранились многие свидетельства прямой связи брянских подпольщиков со своими северными единомышленниками. Вообще говоря, вся революционная история Брянского завода как бы осиянна пристальным вниманием Ленина. Со времени написания им «Развития капитализма в России», где Брянский завод упоминается наряду с такими крупнейшими предприятиями, как Коломенский и Юзовский, В. И. Ленин и руководимые им печатные органы не выпускали из поля зрения брянцев, помогали им литературой, людьми, поддерживали их выступления.

15 января 1902 года «Искра» публикует обширную корреспонденцию с Брянского завода, где «чуть ли не каждый день несчастные случаи с человеческими жертвами».

1 мая 1902 года «Искра» вновь пишет о брянцах, анализируя состояние стачечной борьбы, призывая к более решительному наступлению на хозяев.

Сын литейщика Брянского завода, слесарь Николай Кубяк вместе с Верой Слуцкой представлял Брянскую организацию РСДРП на V Лондонском съезде. В дни Октября и после свершения революции Н. А. Кубяк был одним из соратников В. И. Ленина, возглавлял Сестрорецкий комитет большевиков, затем был председателем Петроградского комитета. Ныне в заводском районе города в память о Н. Кубяке названа его именем улица.

Золотыми страницами истории БМЗ остаются страницы брянской Ленинианы, бесценные документы заботливого внимания Владимира Ильича к этому предприятию. Одними из первых в стране металлисты Брянска национализировали свое предприятие.

Уже 19 апреля 1918 года Совет Народных Комиссаров за подписью В. И. Ленина принимает постановление об отпуске средств национализированному Брянскому заводу в Бежице. Такому решению СНК способствовал немаловажный факт. В январе 1918 года молодое Советское правительство заказало Брянскому заводу срочно изготовить бронепоезд. Через месяц он был готов. Его команду составили рабочие завода. Под хутором Михайловским бронепоезд нанес серьезный ущерб немецким оккупантам. Затем участвовал в боях на многих фронтах революции.

9 мая 1918 года фабрично-заводской комитет завода утверждает на своем заседании «Временные правила внутреннего распорядка Брянского завода».

Иван Васильевич Кореневкин, кузнец, вспоминает об этой поре:

— Время было трудное... Прежних порядков рабочие не признавали, а новых составлено не было. Нередко на работу опаздывали, а то и вовсе не приходили. Очень в ходу были митинги. Особенно пользовались этим эсеры: чуть что — горланят прямо в цеху, наводят тень на плетень.

Иван Васильевич крепок, жилист, на лице не увидишь усталости, хотя ему давно за семьдесят. О событиях более чем полувековой давности он говорит с такой отчетливостью, будто все это происходило на прошлой неделе.

— Так вот, — продолжает Кореневкин, — и пошли разговоры, что пора положить конец пустой говорильне. Народному предприятию тоже нужен порядок... Кадровые металлисты и фабзавком добивались, чтобы правила были одинаковыми для всех.

Но требовалось авторитетное подтверждение этого первого закона о труде, рожденного в коллективе национализированного завода. И тогда решено было отослать «Правила» в Москву, Ленину.

Ответ В. И. Ленина был незамедлительным. Уже 17 мая в письме, адресованном конференции представителей национализируемых предприятий, Ленин предлагал, чтобы конференция «одобрила или, посредством резолюции, узаконила внутренний распорядок по типу брянских правил в интересах создания строгой трудовой дисциплины...»

«Брянские правила» были положены в основу будущих коллективных договоров на социалистических предприятиях.

Неподалеку от новых проходных завода в честь «Брянских правил» сооружен мемориал. По традиции у этого мемориала ветераны посвящают выпускников ПТУ в рабочие, знаменитые гости завода высаживают здесь молодые деревца. И всякий раз там звучит голос кого-нибудь из очевидцев рождения «Правил»...

Порядок на заводах улучшался, но над молодой республикой возникла новая угроза — голод. Саботаж служащих и открытый бандитизм мешали работе транспорта. Чтобы вывезти скопившиеся в Тамбовской губернии поезда с хлебом, брянцы подготовили два локомотива, обеспечили экипажами и телеграфировали в Совнарком. В. И. Ленин тут же дал необходимые распоряжения в поддержку инициативы брянцев. Как всегда откликаясь на призыв партии, в начале 1919 года заводчане начали формировать отряды, чтобы послать их на борьбу с Колчаком. Узнав об этом, В. И. Ленин направил по прямому проводу в Брянский уездный военкомат распоряжение за своей подписью, предлагая приостановить мобилизацию рабочих и служащих Брянского завода.

Смысл ленинской телефонограммы был понятен каждому. На завод стали поступать «срочные», «незамедлительные» заказы на ремонт и изготовление бронепоездов, оружия.

Известен факт и такого рода. В 1919 году отступающие белогвардейцы опустошили Ижевский завод, увели с собой рабочих. В. И. Ленин снова обращается к брянцам, и сто самых высококвалифицированных металлистов с Десны отправляются в Удмуртию. Подвиг этих ста посланцев завода своеобразно повторили их сыновья и внуки в глубокую осень сорок первого: на окаменелых от стужи берегах Енисея брянцы прямо в поле установили вывезенные в тыл станки и основали новый завод. Завод этот, который и поныне традиционно называют «Брянским», был награжден орденом Трудового Красного Знамени...

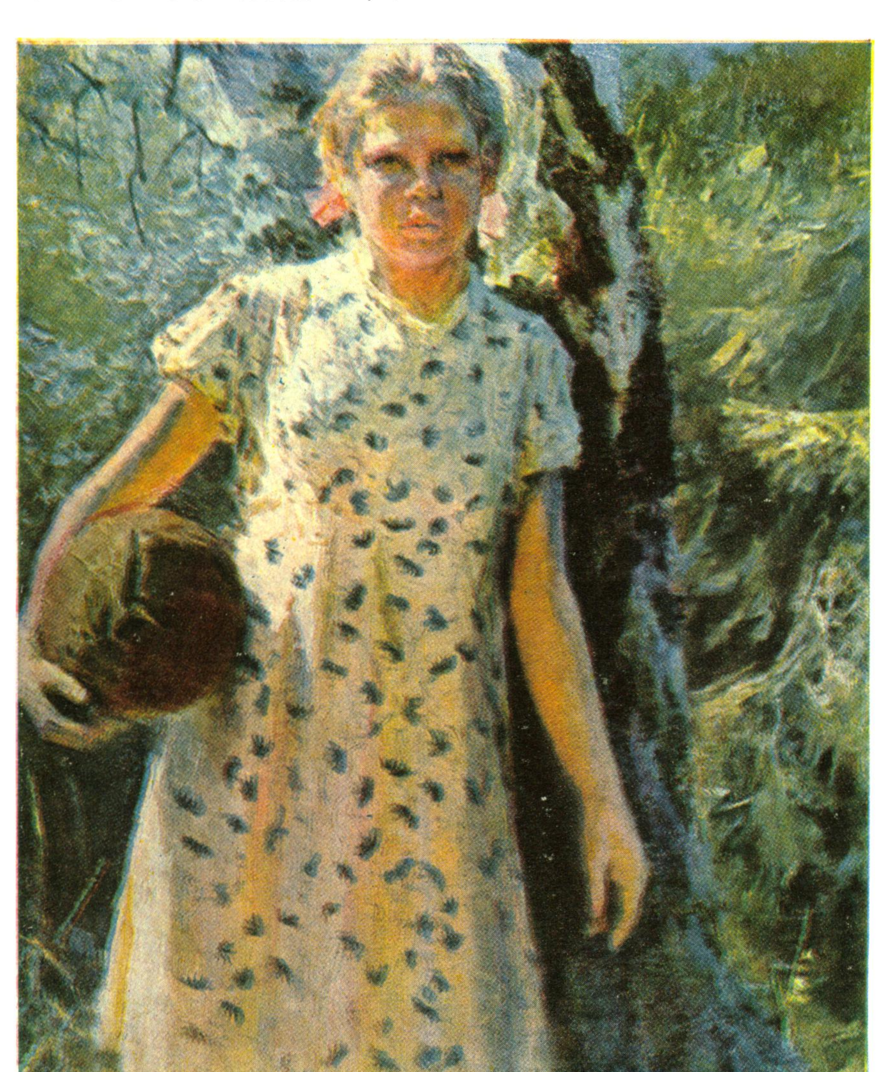
В годы гражданской войны начальник бронесил РККА Г. И. Котовский ходатайствовал о присвоении Брянскому заводу права именоваться «Красным заводом».

Особую страницу в заводской летописи занимает изготовление в Брянске электроплугов по прямому заказу В. И. Ленина. 18 февраля 1921 года этот вопрос был обсужден на заседании Совета Труда и Обороны республи-

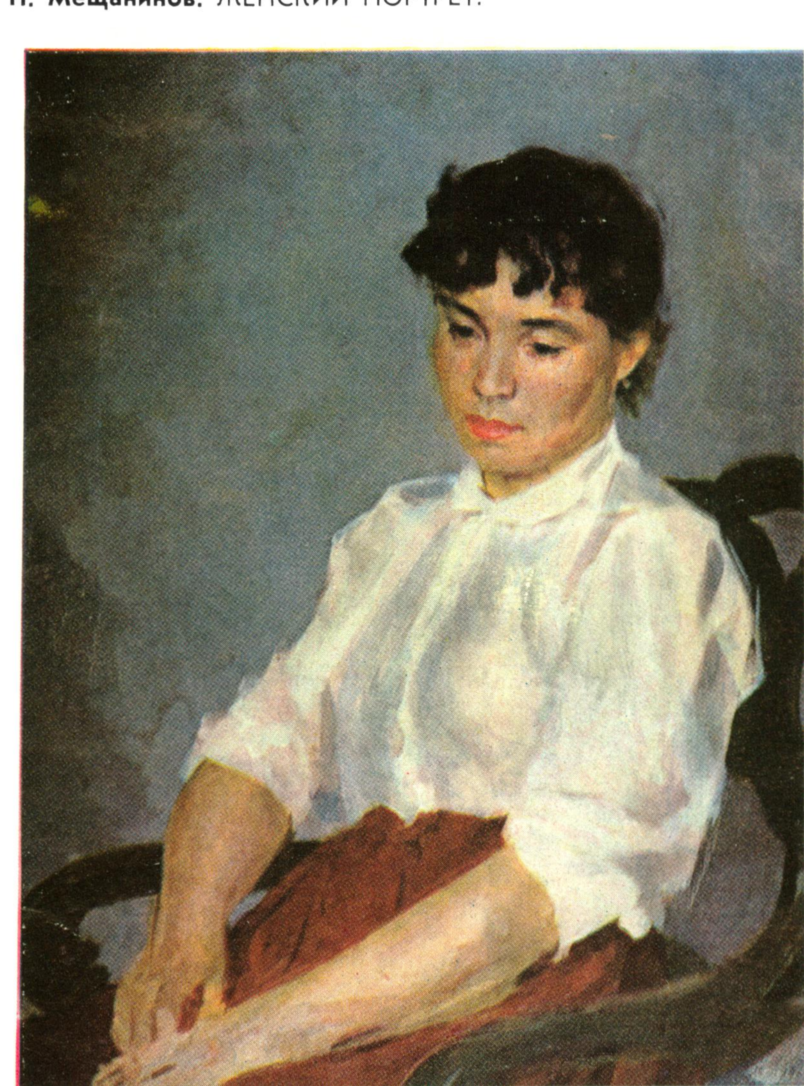
А. Киселев. УЛЬЯНОВО.

Ульяновская народная картинная галерея.

К. Финогенов. ШКОЛЬНИЦА.

Н. Мещанинов. ЖЕНСКИЙ ПОРТРЕТ.

А. Лебедев-Шуйский. СЕРЕБРО.

Ульяновская народная картинная галерея.

В. Орлова. ОСЕНЬЮ.

ки. Порекомендовав сделать некоторое перераспределение в выпуске продукции завода, СТО в пункте «в» определил:

«К 1 мая должны быть изготовлены пять 8-корпусных балансирных плугов. К 15 мая — 15 восьмикорпусных балансирных плугов;

г) обязать Правление Брянского завода и «Главсельмаш», если выяснится невозможность выполнения заказов к данному сроку, немедленно известить по телеграфу Президиум ВСНХ и СТО.

Председатель Совета Труда и Обороны
В. Ульянов (Ленин)».

Обсудив предписание СТО, брянцы попросили поправку лишь на один месяц, пообещав выпустить первый плуг к 1 июня.

О причине такой отсрочки в выполнении ленинского заказа рассказывает Василий Алексеевич Колосветов. Он как раз работал в плужном цехе на сборке.

— Очень мы все обрадовались, когда узнали, что плуги будем делать по заказу Ленина. Все приходилось выполнять самим, только электромоторы получали из Петрограда. На каждую деталь вешали бирки, ярлычки: «К плугам по заданию Ленина». И сделали-то в срок, да боялись опозориться. Решили поначалу испытать на своем поле, за Десной. Называлось то поле Хуторским... А уж потом стали грузить плуги в Москву. Делегация от нас ездила: мастер Дуденков Марк, слесари Кащеев, Жуков. Все с Лениным виделись... А потом, по приезде, обо всем нам рассказывали.

Вскоре после возвращения из Москвы делегации брянских металлистов коллективу завода стало известно содержание записки В. И. Ленина управляющему делами СНК РСФСР Н. П. Горбунову.

«10. XI. 1921 г.
т. Н. П. Горбунову

Рабочие и служащие *Брянского* завода изготовили *7 электроплугов*. До 1-го I. 1922 изготовят *20*.

Трудности при этом были невероятно велики.

Поэтому необходимо особо вознаградить до 70 человек рабочих и служащих. Это удостоверяет директор Брянского завода тов. *Желтов*.

Прошу поставить вопрос завтра в *СТО*, обсудив вместе с тов. Желтовым виды вознаграждения (орден Трудового Знамени; денежное и натуральное).

Пред. СТО *В. Ульянов (Ленин)*».

Орден Трудового Красного Знамени брянцам был вручен несколько позже, а вот отрезы миткаля на рубашку В. А. Колосветов и несколько его товарищей по плужному цеху получили на память о ленинском заказе вскоре после известной записки В. И. Ленина.

Внимание Владимира Ильича к брянцам не ослабевало. Порой это внимание приобретало характер трогательной заботы о металлистах. Состав кадровых рабочих за время гражданской войны сильно поредел. Ведь большинство из изготовленных бронепоездов было укомплектовано коммунистами и комсомольцами, формировались специальные батальоны для защиты революции от белогвардейщины. Многие не вернулись с фронтов. В цехах появились сезонники — крестьяне из ближних деревень. В разгар полевых работ они покидали завод. Так случилось и весной 1921 года. Совет Труда и Обороны направил в Брянск 700 красноармейцев. Лето того года выдалось неурожайным, и снова В. И. Ленин помог брянцам: 18 июня он предложил перевести завод на так называемое коллективное снабжение.

За десять лет до официального введения в нашей стране звания Героя Социалистического Труда 7 июня 1928 года четырем труженикам БМЗ — тогда завод именовался «Красный Профинтерн» — Президиум ВЦИК присвоил звание Героя труда: рабочим М. Д. Фролову, Н. И. Верейкину, конструктору В. С. Новикову, монтеру Е. А. Михайлову... По тем временам Герою труда вместо нынешней Золотой Звезды полагалась шуба...

Широко известна связь брянских пролетариев с частями и соединениями Красной Армии.

В своем приветствии Брянскому машиностроительному заводу в связи с его столетием Маршал Советского Союза К. С. Москаленко писал: «В детстве я видел труд шахтеров Донбасса, но только здесь, на вашем заводе... я по-настоящему окунулся в рабочую среду, почувствовал, что такое «Его величество» рабочий класс, увидел его революционизирующую силу в преобразовании нашего общества».

Маршал заключает: «Безмерно горжусь высоким званием почетного кузнеца Брянского машиностроительного завода, богатого своими революционными, боевыми и трудовыми традициями».

Героическая история Красного завода на Десне всегда влекла к себе летописцев. Хочется вспомнить о литераторах, посвятивших ему свою музу. Думаю, мало кому известен факт, что в 1927 году на завод «Красный Профинтерн» приехал из соседней Смоленской губернии юный Александр Твардовский. Приехал, чтобы влиться в рабочий коллектив. Юноша поэт нашел тогда пристанище в семье кадрового рабочего Ивана Петрунина. Сын Петрунина, Сергей, тоже пописывал стихи и уже печатал их в Брянске, Смоленске. Сергей был на год старше Саши Твардовского. Он ходил разгружать чугунные поковки в литейном цехе. Этим определился выбор первой рабочей профессии и для крестьянского пареныка из смоленского села Починки. Мать Сергея Петрунина готовила своему сыну и его приезжему товарищу «тормозки», провожая на смену, чинила им рукавицы, спецовки. Так парни ходили вдвоем на смену по заводскому гудку всю осень и зиму, до февраля 1928 года.

Как-то молодые грузчики обратились с новыми стихами в уездную газету «Брянский рабочий», где консультировал начинающих Дмитрий Осин. По свидетельству С. Петрунина, консультант разругал их сочинения, но парни отнеслись к его суровой оценке без обиды.

В феврале Саша Твардовский простудился на разгрузке платформ и заболел, а затем уехал к себе на Смоленщину. Сергей Иванович Петрунин выпустил несколько сборников стихотворений и поэм в местном издательстве, печатался с большими подборками стихов в «Новом мире», в других журналах. Уже будучи членом Союза писателей, он до самой смерти продолжал трудиться на заводе.

В тридцатые годы вышла книга «Ведущая ось» — о брянских паровозостроителях. Ее написал В. Ильенков.

Неподалеку от главных проходных завода берет свое начало, пожалуй, самая зеленая из улиц заводской стороны. Она носит имя Дмитрия Медведева — выдающегося разведчика, автора книг «Это было под Ровно», «Сильные духом» и других. В этом рабочем поселке прошло его детство. Здесь он познавал труд рабочего.

Старики хорошо помнят семью отменного сталевара, затем обер-мастера Медведева, отца Дмитрия. Обер-мастер пользовался уважением у предпринимателей завода за свой рабочий талант, но полиция не доверяла ему: старший сын Медведевых, Александр, был профессиональным революционером, неоднократно ссылался. После Октября Александр возглавил губчека. Дмитрий сначала помогал отцу на заводе, затем, не окончив гимназии, тоже ушел в революцию: был секретарем-порученцем у председателя Брянского уездного исполнительного комитета Игната Фокина. До начала Великой Отечественной войны Дмитрий Николаевич Медведев, уже будучи кадровым военным, не однажды приезжал в Брянск: любил эти места. Навещал он здесь родных и после войны.

Писатель Алексей Козин недавно выпустил роман «Операция на сердце». Книга эта целиком посвящена событиям военного времени на Брянщине.

Мы идем по аллеям заводской территории. Обилие зелени, массивы фруктовых деревьев, вознесшиеся над крышами цехов березы и тополя, большие скверы между цехами — это первое, что поражает новичков, ступивших за порог проходной. Рассказывают, что, когда представителя генеральной дирекции датской фирмы «Бурмайстер ог Вайн» повезли по привычным для брянцев аллеям к цеху судовых дизелей, он, выждав несколько минут, вежливо напомнил:

— Господа, вы, кажется, обещали показать мне ваш завод? Где же завод? Здесь я вижу только аллеи парка...

— Мы уже десять минут едем по территории завода,— ответили ему.

Гость округлил глаза и воскликнул удивленно:

— О-о!

Другой раз ему пришлось так воскликнуть, когда машина остановилась у дизельно-испытательного цеха. Размеры цеха и многое, что он увидел там, удивили его не меньше, чем половодье зелени и цветов, захлестнувшее исполинскую территорию современного предприятия.

2

Если прислушаться к заводскому радио, обратить внимание на плакаты и фотовитрины, призывающие равняться на бригаду № 19 из дизельно-испытательного цеха, то руководителя этой бригады Борисова можно себе представить этаким богатырем, которому все нипочем. Но вот передо мною сам бригадир Ливий Николаевич Борисов — худощавый, невысокого роста, совсем еще молодой, чисто выбритый человек. От смущения или по привычке он трет концами ветоши смуглые от масла руки, говорит тихо, совсем тихо.

В бригаде Ливия двенадцать человек. Каждый — мастер высокого класса. Я говорю «каждый» с небольшой оговоркой, так как наряду со многими обязательствами, которые принял на себя дружный коллектив Ливия Борисова по досрочному выполнению пятилетки, есть и такое: ежегодно брать на выучку в бригаду кого-либо из новичков, растить молодую смену. В этом есть резон, ибо не редкость, когда кто-нибудь из борисовцев уходит из бригады — становится бригадиром нового коллектива или целая группа спешит на помощь отстающим. Ушел в бригадиры Алексей Спецов, ему взамен прибыло пополнение в лице Жени Анищенко, парня, только что закончившего ПТУ. Впрочем, и Спецов по привычке идет в «свою бригаду» за помощью.

В прошлом году бригада Л. Н. Борисова шесть раз завоевывала первое место в цехе, сейчас занимает первое место по заводу. Ливий — член райкома партии, депутат районного Совета. Родословная Борисова берет свое начало с прадеда, который сбежал в здешнюю задеснянскую глухомань от помещика и работал на лесопилке у Губонина.

Сейчас Борисов и его друзья готовят к сдаче на получение государственного Знака качества серийный двигатель ДБ-6... Усилия, опыт, мастерство брянских рабочих тем более важны, что наши судовые дизели пользуются все большим спросом на мировом рынке. Еще несколько лет тому назад стране остро недоставало судовых двигателей. Приобретали их за границей за большие деньги, на верфях скопились десятки готовых «коробок» в ожидании двигателей. Талант, высокое мастерство инженеров, техников, рабочих исправили положение. Брянские дизели вывели наш флот на большую воду океанских просторов.

Как и у многих иных рабочих, на первом плане у Ливия производственное задание, план. Но мне пришлось наблюдать бригадира в минуты его раздумий о другом, не менее точном деле. Настала пора аттестовать лучшего рабочего бригады на высший разряд. Он имел право выдвинуть лишь одного, но таких здесь оказалось двое... Кому отдать предпочтение, как все это представить, объяснить, чтобы не задеть самолюбия людей? И об этом обязан думать бригадир.

Ливий Николаевич ведет свою бригаду в тесном единении с мастером цеха Анатолием Кривошеевым. Впрочем, Анатолий — уже старший мастер: прежде таких называли обер-мастерами. Анатолию 34 года, но в мастерах он несколько лет.

Молоды, энергичны и директор завода Г. П. Буров, выдвинувшийся из рядовых инженеров, и начальник дизельно-испытательного цеха Эдуард Павлов, и главный инженер Л. В. Попов.

И еще об одном знакомстве с отменным мастеровым. Имя его — Юрий Королев. Основное занятие — электросварщик. В отличие от многих своих сверстников Юрий никогда не менял профессии. Семнадцатилетним пришел на завод, учился сварочному делу у опытных мастеров, затем служил в армии. А после по путевке комсомола работал (опять-таки сварщиком) на строительстве высоковольтной ли-

нии Абакан—Тайшет, на Чукотке, в Казахстане. Там он неожиданно встретился с таким же непоседой-романтиком Анатолием Дворянчиковым, и теперь они неразлучные друзья, почти девять лет в одной бригаде.

Королев — первый из кадровых рабочих, кто в дни XXIV съезда партии, когда заводской коллектив брал обязательства выполнить задания 9-й пятилетки досрочно, определил для себя личный рубеж в четыре года. Производительность труда брался повысить не на 8—9 процентов, а на 14... Затем довел это обязательство до 39 процентов.

Это звучало уже вызовом.

Однажды, когда Ю. Королев шел на обед, его окликнули из дизельно-сварочного цеха. Опытные «дядьки» от электросварки подвели его к массивной детали, с которой Королев никогда не имел дела. Кроме того, и с электродами, применяемыми в этом цехе, он встречался впервые. «Ну-ка, покажи, если ты такой прыткий!»

Королев не отшутился в ответ на эту недобрую затею. Он сварил незнакомую деталь, да так положил шов, что настроенные критически «дядьки» лишь покачали головой...

И тогда последовало письмо Ю. Королеву через партком завода. Это письмо подписали несколько десятков опытнейших сварщиков, многие из которых сами являются высококлассными мастерами. Люди эти заявили, что хотели бы стать под его руку, зовут Ю. Королева возглавить их бригаду.

Хожу по дизельно-механическому цеху... Вместо рабочего кепи иногда мелькнет простенькая, туго повязанная косынка.

Знакомимся. Александра Мефодьевна Савельева, работает скромно, незаметно. Сверловщица. Ей сорок шесть. На заводе двадцать два года. С небольшими перерывами по семейным обстоятельствам. У нее двое детей — девочки Таня и Наташа. Муж — шофер. Живут в своем домике. «Устаете?» «Да, бывает...» «Думали о перемене профессии?» Удивленно: «Нет, зачем же?» «Ваш заработок?» «До двухсот рублей». Тут же поправляется: «Не только заработок держит у станка...» «Что же?» Немного усмехнувшись: «Как-то привыкла, здесь все свои...»

Сотрудник отдела труда и зарплаты Иван Федорович Сорокин расшифровал для меня слова этой немногословной станочницы.

— Александра Мефодьевна? Да у нее же золотые руки! Награждена орденом «Знак Почета», знаком «Отличник социалистического соревнования Министерства тяжелого машиностроения». Недавно присвоено звание «Лучшая сверловщица министерства». Вы с ее сменщицей Аней Сычевой не виделись? — спросил Сорокин.— Обучила сельскую девушку своей профессии. Теперь Аня — лучшая сверловщица завода. Дружат.

Обаятельная, тонкая, нежная Зина Акимова, проработавшая станочницей три года, а теперь избранная секретарем комсомольской организации цеха, рассказывает, что из 190 молодых рабочих цеха «чуть больше половины» имеют звание ударника коммунистического труда. Больше половины!

Особый знак отличия существует для тех, кто талантлив в техническом прогрессе. Существует специальная «Премия Ленинского дня». Первой такой премией в этом году отмечена группа конструкторов за создание и доводку нового дизеля. Среди лауреатов премии и бывший заместитель главного конструктора И. Г. Шиян — пенсионер, и нынешний молодой ученый — дизелист О. Н. Алексеев, и слесарь А. И. Третьяков, и другие.

На мой вопрос Ливию Борисову, как воспринимают в личном плане рабочие бригады юбилей завода, он ответил:

— Сегодня посоветовались с парнями и решили, что дневные задания можем выполнить вдевятером. А трое пойдут туда, где понадобится помощь...

Сказано это было спокойно, без громких слов. И это естественно: громкие дела обычно совершаются без громких и даже без лишних слов.

А Брянский машиностроительный, как флагман тяжелой индустрии, так же спокойно и уверенно пересекает линию своего первого столетия, как преодолевают барьер сверхзвуковой скорости современные воздушные лайнеры.

МАЛЕНЬ РАССКА

Вс. МАЛАШЕНКО

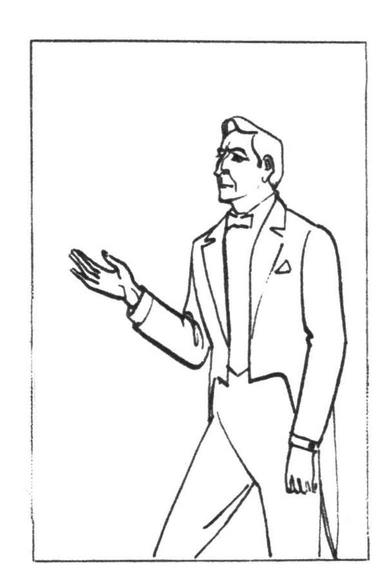
Рисунки Л. БИРЮКОВА.

Он был артистом

Умер заслуженный артист Александр Аполлонович Онегин. Более пятидесяти лет он отдал театру. Последние годы все вспоминал, вспоминал...

— Бывало, что ни вечер, то я во фраке, не в спецовке, не в ватнике, не в нейлоновой рубахе, а во фраке. То у князей Волконских, то у королевы Елизаветы, то у Фамусовых — этак по три раза на неделе. Премьеры игрались часто, не то что в нынешнее время. Мундиры, фраки, декольте... Кстати, голубчик мой,— обратился он ко мне,— локти на столе не следует раскладывать даже на заседании месткома.— Он произносил слово местком через «э» оборотное.

Александр Аполлонович знал многое. Как поцеловать руку любимой, или просто знакомой женщине, или подруге детства. Он единственный в театре знал, как закалывать брошь в галстук, на сколько сантиметров должны выходить манжеты из-под рукава фрака или партикулярного платья. В костюме важнейшей деталью считал запонки и штиблеты. Носил галстук-бабочку. Играл на рояле и задушевно пел романсы из репертуара Морфесси. Перстень с матовым кораллом снимал лишь перед выходом на сцену. Часто вставлял в разговоре иностранные словечки — пардон, эскюзе муа,

эт цетэра... Часто вспоминал Париж, Рим, Венецию.

Александр Аполлонович был из того прошлого актерского мира, о котором судят лишь по мемуарам. В театре говорили, что он племянник графа Уварова, и будто еще в первую мировую войну сбежал в чем был из графского поместья под Петербургом, и поступил на сцену, приняв псевдоним «Онегин». Говорили, правда, что это вранье, что на самом деле он незаконный сын фабриканта Рябушинского и всячески скрывает письма, которые шлет ему из Парижа двоюродная сестра. Что бы о нем ни говорили, для нас, молодежи, он был незыблемый авторитет во многих вопросах. Он так много видел, играл с такими актерами, бывал в гостях у самых знаменитых мастеров прошлого. Его отношение к сцене как к святыне было достойно самого высокого поклонения. И вот Александра Аполлоновича не стало. В фойе вывесили его портрет, обрамленный черным крепом, и под ним некролог, написанный известным критиком, старым поклонником таланта Онегина. Критик писал, что А. А. Онегин, сын железнодорожного мастера, начал работу в театре бутафором, затем втайне от всех приготовил роль Чацкого и, когда неожиданно заболел исполнитель этой роли, предложил режиссеру свои услуги. Успех пришел в тот же вечер. Так А. А. Онегин стал артистом. Всего достиг трудолюбием, упорством, талантом и беззаветной преданностью театру. Никогда не бывал за границей, но объездил всю Россию с гастролями. Обо всем этом мы узнали из некролога.

Александр Аполлонович был а р т и с т!

Перед концертом

Перед началом концерта нас пригласили в офицерскую столовую. Угостили гречневой рассыпчатой кашей с маслом. Офицеры — два майора и лейтенант — ухаживали за нами, готовые выполнить любую просьбу. Они знали, что это наше второе выступление, что мы устали, что по окончании концерта фронтовой грузовичок повезет нас дальше.

— Эх,— вздыхал пожилой майор,— трудненько вам, транспорт вон какой, а уж дороги — и говорить нечего. Вы ехали через Смоленск?

— Да,— ответил я, на мгновение вспомнив разбитые и сожженные села и деревни.

— А как... город?— Лейтенант подался вперед.

— Лучше не вспоминать,— тяжело вздохнув, сказала Ольга Васильевна, эстрадная певица,— ведь я когда-то начинала в Смоленске свою актерскую жизнь.

— Но и забыть мы не имеем права. Говорите!— настойчиво требовал лейтенант.

И я рассказал, как еще на подступах к городу, двигаясь черепашьим шагом по разбитому шоссе, мы лишь по надписям узнавали, что в этих местах были деревни и поселки. Вернее бы написать, здесь б ы л а деревня, здесь б ы л поселок... На шум нашего грузовика откуда-то из-под земли выползали дети, старики, старухи... И смотрели нам вслед молчаливо, удивленно. В самом городе, разрушенном почти до основания, мы были свидетелями раскопок могил. Из огромных ям извлекались изуродованные человеческие трупы, их раскладывали рядами, и оставшиеся в живых бродили среди них, стараясь опознать отца, мать, брата, сына... Горе стояло рядом с радостью освобождения.

КИЕ
ЗЫ

Наступила томительная пауза. И только тут я заметил, что исчез лейтенант.

Вдруг за окном раздался выстрел.

Дверь распахнулась, и, подталкиваемый дежурным капитаном, вошел лейтенант.

— За такие дела в трибунал нырнешь! Ишь ты! Это же самосуд! Чуть не расстрелял пленного эсэсовца!— возмущался капитан.

— Он был карателем в Смоленске!— оправдывался лейтенант, обращаясь больше к нам, чем к офицерам.— Ты...— он возбужденно смотрел на меня,— этим рассказом и начни концерт. С ненависти!

Пожилой майор отвел в сторону лейтенанта, усадил на скамью и, повернувшись к нам, рассудительно, спокойно произнес:

— Концерт начните с песни о доме, о Родине...

Выход из положения

По просьбе командования наша концертная бригада разделилась, чтобы сыграть параллельно два концерта в разных подразделениях. В нашей группе не хватало лишь исполнителя роли немецкого часового — роли без слов.

— Там, на месте, вас встретят и подберут любителя из солдат,— заверили нас в политотделе.— Желающие выступить на сцене всегда найдутся.

И в самом деле, перед началом концерта дежурный лейтенант представил мне молодого солдата.

— Вы будете играть часового,— объяснял я ему,— ходить взад и вперед перед воображаемым забором, из кулисы в кулису, потом на вас нападут, повалят, отберут автомат и уволокут за сцену. Слов никаких. Не волнуйтесь, все будет в порядке. Ясно?

— Ясно, товарищ артист! Куда идти?

— Сначала наденьте костюм.

— С удовольствием!— Он стал расстегивать ворот гимнастерки, но вдруг остановился, разглядывая форму немецкого часового.— Так это же фашистская форма!..— Он удивленно смотрел на меня.

— Да, потому что вы будете играть фашистского часового.

— Чтобы я облачился в эту погань?

— Это же понарошку, это театр, потом снимешь,— вмешался лейтенант.

— Это, товарищ лейтенант, не театр, а издевательство.— Но тут же вытянулся перед лейтенантом:— Если, товарищ лейтенант, это приказ, то я готов к исполнению.

— Нет, нет, это не приказ. Не хочешь, не надо. Ты свободен, ступай и пришли сюда сержанта.

Пришел сержант. Растерянный, напуганный, он заговорил медленно, с виноватым видом, но упрямо:

— Никак нет, товарищ лейтенант, я не гожусь, никогда не выступал, и потом ведь засмеют, я свою роту знаю, засмеют. Купца, или там домуправа, или на худой конец пожарного — это с превеликим удовольствием... но фашиста не могу.

Лейтенант махнул рукой, ушел и через несколько минут вернулся с пожилым усатым солдатом.

— Вот, Спиридоныч,— представил он мне его,— в таких баталиях побывал... Он все может.

Спиридоныч взял немецкий мундир, прикинул на себя, вздохнул и бросил на пол с явной брезгливостью, потоптался на месте, взглянул на меня, на лейтенанта... и наотрез отказался.

Концерт уже начался.

— Послушайте, товарищ лейтенант!— Я оглядел его с головы до ног.— Выход-то ведь совсем прост. Сыграйте вы.

Лейтенант посмотрел на меня как на сумасшедшего.

— Значит, солдат не может, а я что? Что, спрашиваю?

И вдруг вытянулся по стойке «смирно» и отдал честь. Из-за ширмы, где гримировались актеры, вышел полковник. То есть это был не настоящий полковник, а наш актер Александр Александрович, по пьесе он исполнял роль коменданта города.

— Разрешите доложить, товарищ полковник,— начал рапортовать лейтенант, но его прервал Александр Александрович:

— Вольно, лейтенант! Ну-с,— он обратился ко мне,— как устроились? В чем нужда?

Я разгадал его затею и доложил, как положено, обстановку, как раз по пьесе я играл его адъютанта. Так, мол, и так, не можем найти исполнителя на роль немецкого часового, и хотя роль пустяковая, но без нее не обойтись.

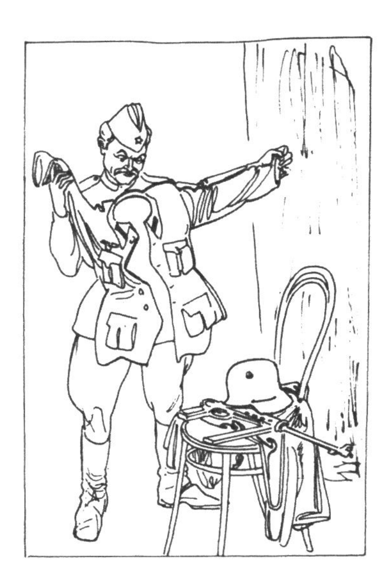
Александр Александрович нахмурился и обратился к лейтенанту:

— Вы, товарищ лейтенант, никогда не играли в самодеятельности?

Лейтенант замялся, потупился...

— Вот вам и выход из положения,— и добавил почти на ухо лейтенанту: — Искусство требует жертв!

Концерт прошел с успехом.

НЕДО... № 2148049

Наручные часы мне понравились формой корпуса. И еще тем, что сопровождающий их паспорт обещал высокую точность хода. Соблазненный такими достоинствами, не обратил внимания на то, что на часовом циферблате есть небольшое окошечко с какими-то цифрами. Оказалось, это календарь. Часовой механизм сам собой, без вмешательства обязан был каждую полночь переставлять цифры, чтобы отметить не только час и минуты, но и дату, наступивший день.

— Так ведь это замечательно! — сказал я себе. И приобрел часы.

Но уже через неделю календарная цифра застряла на полпути к следующему дню. «Не беда, сейчас так тихонько постучим часами по чему-нибудь твердому»,— сказали мне в магазине, куда я зашел, чтобы посетовать на недуг часового механизма. Стукнули. И действительно цифра стала на место. Но еще через неделю она застряла основательнее — на вчерашнем дне. Затем стала показывать позавчерашний. И вдруг... пошла нормально. Потом снова захандрила и не-

делю не желала передвигаться. Это стало забавной игрой: если мне надо было узнать, какое число было пять дней назад, я смотрел на часовой циферблат.

Однако всякая игра надоедает. Снова обратился в магазин.

— Видимо, что-то на заводе недоделали. Какой-нибудь винтик не закрепили как следует...

Подчеркиваю — главное часы делают: достаточно точно показывают время. А то, что отказываются при этом отмечать календарные дни...

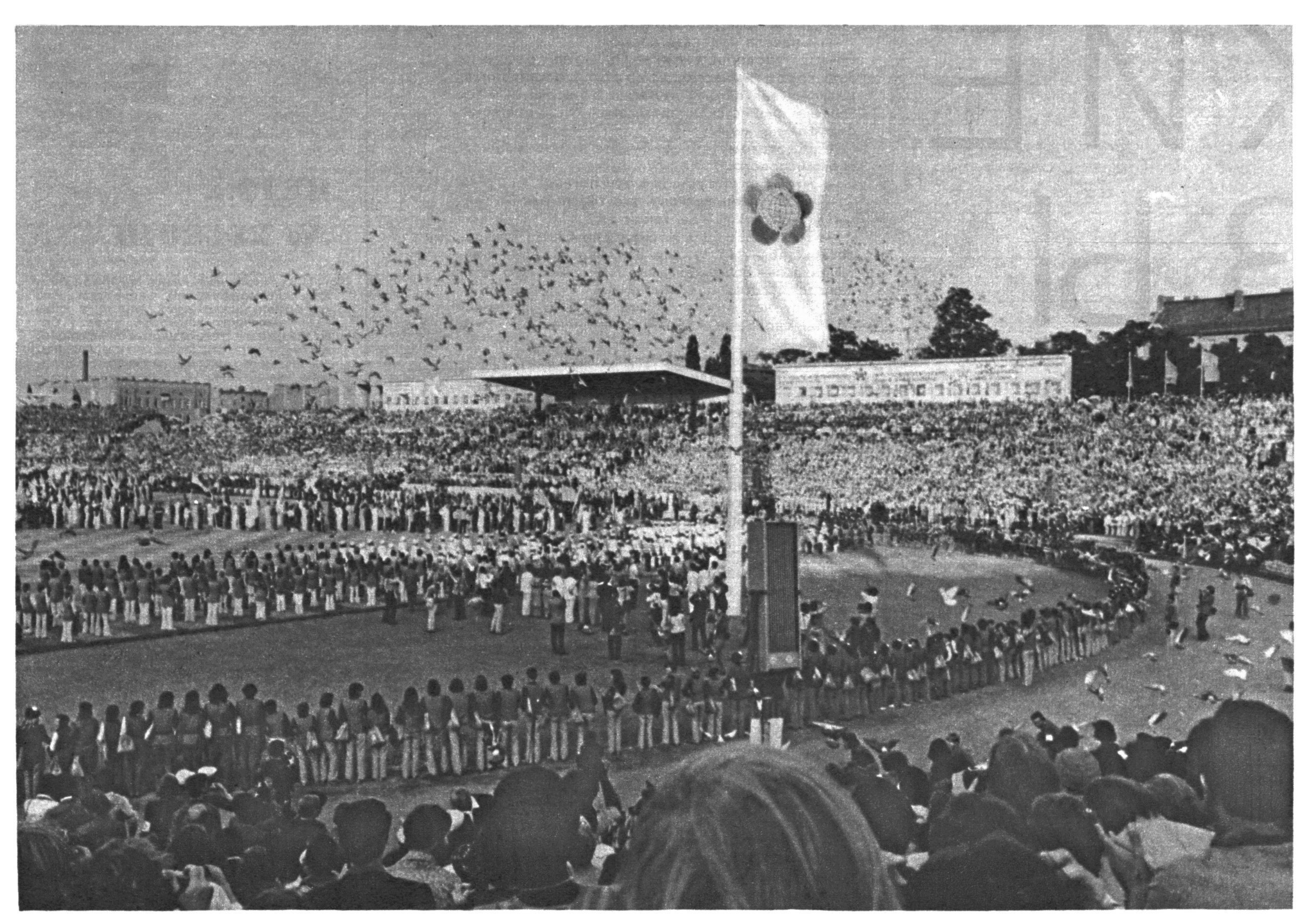
Пустячная эта заводская недоделка все же наносит урон престижу предприятия. Покупая следующие часы, буду искать без календаря. И знакомым посоветую... А если прочтет эту заметку кто-то собравшийся купить часы с календарем и вдруг передумает? Не волнует такая ситуация работников 1-го московского часового завода?

...Вообще беда с этим НЕДО... Кто-то что-то недоделал, и идет насмарку сделанное. Почти ежедневно я прохожу мимо московской спецшколы № 21. В самый разгар учебного сезона ее начали ремонтировать. Едва ли это самое удачное время, но что поделаешь, раз летом ремонтников в школу не дозовешься. Много дней висела на школьной стене люлька маляров. До лета успели выкрасить примерно три четверти стены. И вот так, оставив НЕДОкрашенной, ушли.

...Ущерб от недоделок обычно не подсчитывается. Да и как учтешь урон, который нанесли ремонтники той же 21-й школе? Чуть недоделаны часы № 2148049, но ведь придется идти в ремонтную мастерскую, тратить на это время — свое и мастера.

Недоделки оставляем мы сами. Оглянитесь, проверьте, что-то, может, и вами недоделано?

К. КОСТИН

Берлин, 28 июля 1973 года.

РЕПОРТАЖ С X ВСЕМИРНОГО ФЕСТИВАЛЯ МОЛОДЕЖИ И СТУДЕНТОВ

ЗНАМЕНА ЮНОСТИ НАД БЕРЛИНОМ

Ванда БЕЛЕЦКАЯ, Геннадий КОПОСОВ, специальные корреспонденты «Огонька»

X Всемирный фестиваль молодежи и студентов внес веселую сумятицу в обычный порядок жизни Берлина. В эти дни в столице Германской Демократической Республики можно встретить делегатов более чем из 140 стран мира, со всех пяти континентов.

Причудливо смешались цвета, звуки музыки, слова приветствий. Бьют африканские тамтамы, а тирольские флейты едва пробиваются сквозь шум духовых оркестров. У фонтана на Александерплац группа советских девушек в ярких красных костюмах запевает «Главное, ребята, сердцем не стареть». Им аккомпанирует на гитаре светловолосый парень в синей рубашке Союза свободной немецкой молодежи. Мелодия, что так часто звучит на сибирских стройках, у таежных костров, заполнила «Алекс», как берлинцы называют эту площадь.

Но громче всего звучат на улицах, парках, площадях Берлина лозунги фестиваля — за антиимпериалистическую солидарность, мир и дружбу. С огромным вниманием встретили его участники приветственное послание Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева, в котором говорится: «Тот факт, что под лозунгами фестиваля собрались представители всех континентов, различных политических, идеологических и религиозных взглядов, свидетельствует о крепнущей солидарности молодежи, ее стремлении к взаимопониманию и совместным действиям во имя мира».

Мир — какое емкое и прекрасное слово, как много оно вмещает в себя! И во имя мира звучат над Берлином песни дружбы, старые революционные песни всех стран. «Я несу знамя, знамя красное» — поет жизнерадостная молодежь ГДР.

...Мелодия этой песни переносит меня на много лет назад. 1941 год. Суровая осень. Интернат в маленьком городе на Каме, где живем мы, эвакуированные дети. У многих уже нет родного крова, его разрушили бомбы гитлеровцев. Помню, как на празднике 7 ноября те ребята, кто был постарше и начал изучать в школе немецкий, пели: «Я несу знамя, знамя красное»,— и мы, младшие, подпевали им, как умели.

Фестиваль — это работа, это встречи, расширение контактов, обмен профессиональным опытом. Фестиваль — это политическая школа с диспутами и выступлениями. И, наконец, фе-

стиваль — это праздник. Праздник искусства, спорта, красоты и юности.

Я была на IX Всемирном фестивале молодежи и студентов в Софии, и, сравнивая эти форумы юности, видишь: молодежное движение за прошедшие пять лет стало еще более зрелым. В активную политическую борьбу включаются все новые слои молодежи, которая проявляет растущий интерес к теории и практике строительства социализма и коммунизма.

Молодежь нашей эпохи преисполнена волей к дружбе, потому что эта дружба является великой силой. Эти слова, сказанные Первым секретарем ЦК Социалистической единой партии Германии, председателем национального фестивального комитета ГДР товарищем Эрихом Хонеккером, можно поставить девизом ко всем фестивальным встречам.

Мы находимся в Обществе германо-советской дружбы. Люди в форме железнодорожников окружили Валентину Николаеву-Терешкову — почетного гостя фестиваля. Бригада, прокладывающая рельсы для берлинской электрички, носит имя Терешковой. Пять лет назад наша «Чайка» впервые встретилась с участниками бригады. Сегодня восьмая встреча.

— Бригада крепко держит знамя социалистического труда,— рассказывает бригадир, Герой труда Франц Киберт.— Мы понимаем, как высока честь быть достойными подвига первой женщины-космонавта!

Прочная дружба связывает эту бригаду с московскими метростроевцами. Киберт показал мне часы: на обратной стороне по-русски выгравировано: «Францу Киберту от московских метростроевцев».

Конгресс-халле. Здесь проходит встреча делегаций СССР и ГДР.

— Нас глубоко взволновала та искренняя дружба, с которой нас встретил Берлин,— говорит первый секретарь ЦК ВЛКСМ Е. Тяжельников.— Мы сделаем все для того, чтобы узы братства молодежи наших стран не прерывались никогда.

Его слова тонут в громе аплодисментов.

Первая тематическая страница фестивальной программы — День солидарности с народами, молодежью и студентами Вьетнама, Лаоса и Камбоджи. Среди делегатов фестиваля — хрупкая, невысокая девушка, лейтенант Тхань Тхи Ли, депутат Национального собрания ДРВ. Первый американский самолет она сбила, когда ей только исполнилось шестнадцать. Я познакомилась с еще одним боевым делегатом Демократической Республики Вьетнам, Нгуен Дук Соатом, который сбил шесть американских самолетов. После десятилетки мечтал поступить в университет, хотел быть инженером-металлургом, но война изменила планы, и он стал летчиком.

— Моя эскадрилья получила задание защищать Ханой,— рассказывает он.— Помню один из первых дней нашей борьбы. Четыре самолета вступили в бой с американскими бомбардировщиками. Американцы хотели взять нас в клещи. Тогда я разделил свою эскадрилью: два самолета пошли в одну сторону, два — в другую. Я атаковал вражеский самолет и сбил его одной ракетой. Мой товарищ защищал меня, а потом пошел сам в атаку и сбил второй самолет. Американские самолеты ушли под прикрытие гор. Я развернул свою машину и увидел, что горит третий вражеский самолет. Это воодушевило нас, и мы сбили еще одну машину врага. Я рассказывал об этом очень долго, но весь бой продолжался всего две минуты.

— Здесь, в Берлине, я вновь убедился в великой силе солидарности,— сказал член делегации ДРВ Нгуен Тхиен.— Это счастье — чувствовать себя окруженным таким количеством друзей во всем мире.

Ему 27 лет. Он член молодежной бригады, которая с 1965 года занимается восстановлением разрушенных путей, мостов и дорог.

— С друзьями из ГДР, Советского Союза, других социалистических стран, с представителями освободительных движений Африки, а также с прогрессивной молодежью Соединенных Штатов Америки мы встретились в эти дни для того, чтобы совместно обсудить, как усилить борьбу против нашего общего врага — империализма,— сказал Нгуен Тхиен.

Идея солидарности пронизывает все встречи и все мероприятия фестиваля. Празднично и многолюдно на улицах Берлина.

Берлин (по телефону).

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

КОГДА ТВОРИТСЯ ИСТОРИЯ

Георгий КУЗНЕЦОВ

История делается буднично. Или по крайней мере так часто кажется современникам. Поэтому сейчас с некоторым удивлением для себя обнаруживаешь, что пролетел уже целый месяц со дня Хельсинкского совещания. Впрочем, 3 июля вряд ли когда изгладится из памяти. На меня лично произвела впечатление одна небольшая деталь этого дня, показавшаяся очень символичной. Когда по завершении первой, торжественной сессии совещания министры вышли из бело-синего зала заседаний в фойе, чтобы поднять бокалы шампанского за успех первого этапа, президент Финляндии Урхо Кекконен, который только что пожелал участникам совещания успеха в работе, прежде всего подошел к министру иностранных дел СССР А. А. Громыко. Это явно был знак уважения не только к представителю соседней дружественной державы, но и к государству, которое первым выдвинуло идею созыва совещания и которое вместе с другими странами социалистического содружества, а также миролюбивыми государствами континента, такими, как Финляндия, на протяжении многих лет боролось за его созыв.

Когда началась дискуссия, вместе со словом «совещание» не раз употреблялся эпитет «историческое». И в самом деле, это совещание не знает прецедентов ни по своим целям, отвечающим чаяниям народов континента, ни по характеру, ни по составу участников, ни по существу организационных принципов, положенных в его основу.

Через три недели начнется второй этап совещания. 29 августа соберется координационный комитет, а 18 сентября — комиссии, которым предстоит продолжать рассматривать вопросы повестки дня и готовить заключительные документы. А сейчас тщательно анализируются итоги первого этапа.

Центральное место среди них занимает проект Генеральной декларации об основах европейской безопасности и принципах отношений между государствами в Европе, предложенный во время дискуссии в Хельсинки министром иностранных дел СССР А. А. Громыко. И Генеральная декларация, по убеждению многих, может служить серьезной основой для подготовки итогового документа по первому пункту повестки дня — вопросам, относящимся к безопасности в Европе.

Говорят, что совещание является для Европы экзаменом на зрелость. Аттестатом в таком случае может стать всеобъемлющий заключительный документ, в котором бы нашли отражение основополагающие принципы безопасности и сотрудничества. А, помимо советского проекта, базой для него могут служить проект Совместного заявления, выдвинутый ГДР и Венгрией, о развитии сотрудничества в области экономики, торговли, науки и техники, а также в области защиты окружающей среды, польско-болгарский проект документа об основных направлениях развития культурного сотрудничества, контактов и обмена информацией, чехословацкий проект решения о Консультативном комитете по вопросам безопасности и сотрудничества в Европе, который в качестве постоянного органа действовал бы после завершения совещания.

В дни совещания мне довелось беседовать с министрами Отто Винцером (ГДР), Вальтером Шеелем (ФРГ), Ахти Карьялайненом (Финляндия), Митчеллом Шарпом (Канада), Алеком Дуглас-Хьюмом (Англия). Они были едины во мнении: совещание — важный шаг в деле построения новой Европы.

При подобном подходе с обеих сторон оказываются в положении рыбы, выброшенной на берег, проповедники «холодной войны» из буржуазной прессы, типа писак из лондонского «Экономиста», которые усиленно распространяются о том, что, дескать, СССР хотел бы превратить совещание «в пропагандистский цирк, который будет служить целям доведения Западной Европы до состояния полной расслабленности и уязвимости». Обреченность попыток платных интриганов от пропаганды, стремящихся оболгать советскую внешнюю политику, вдвойне очевидна, ибо народы земного шара отлично знают о заслугах нашей страны в деле укрепления всеобщего мира и высоко ценят, в частности, выдающийся вклад Л. И. Брежнева, визиты которого в ФРГ, США и Францию и подписание важнейших для мирного развития человечества документов являются событиями непреходящего значения, влияющими на оздоровление всей международной обстановки.

Впрочем, «штатные» пессимисты чувствовали себя не в своей тарелке и в стенах дворца «Финляндия». В последний день работы совещания ко мне подошла явно обеспокоенная Хелла Пик из английской «Гардиан».

— Я слышала, ТАСС критически отозвался о моих корреспонденциях. Почему?

— Да потому, что ваша первая же статья не соответствовала положению вещей! (В ней Х. Пик утверждала, что «не может быть никакого признания существующих границ в Европе, если коммунистический мир не будет одновременно открыт для западного влияния» и что «некоторые западные страны были бы готовы скорее уйти с совещания, чем позволить Советскому Союзу извлечь для себя подобное преимущество».)

— Но ведь это для простых людей — примитивное изложение происходящего,— попробовала протестовать она.

Мы расстались, не поняв друг друга. Но это был лишний пример убедиться в справедливости замечания А. А. Громыко, сделанного во время выступления во дворце «Финляндия», о необходимости покончить с психологическими последствиями «холодной войны». Я бы мог подписаться под словами американского коллеги Джона Харриса, который давал информацию из Хельсинки в восемь газет, сказавшего во время нашей беседы: «Если министры сделают свое дело, люди будут счастливы. Кому нужны солдаты и бомбы!»

КРОССВОРД

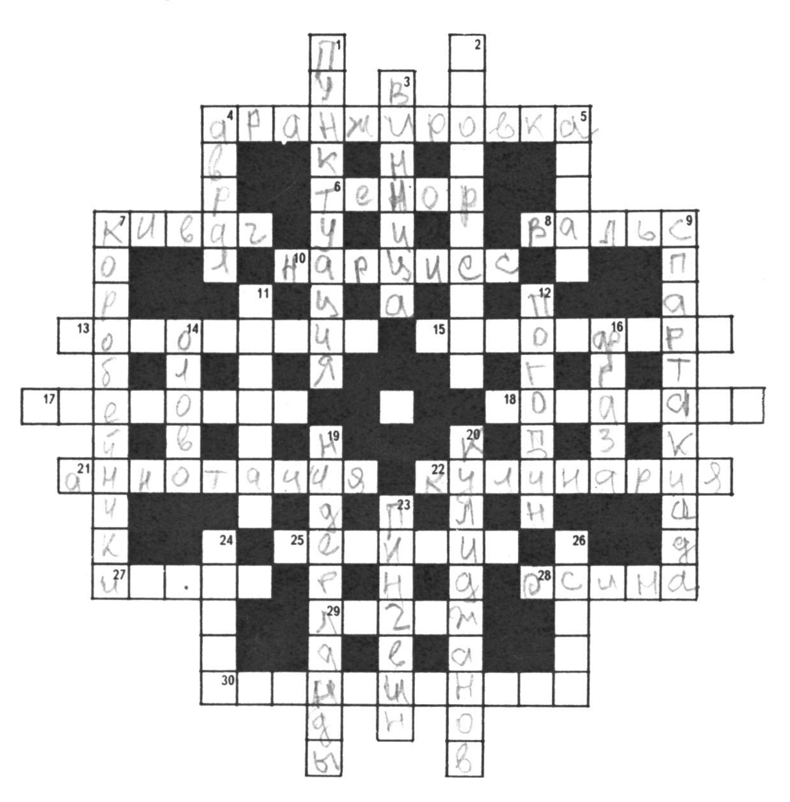
По горизонтали: 4. Переложение музыкального произведения. 6. Мужской голос. 7. Водопад в Карелии. 8. Танец. 10. Цветок. 13. Русский поэт XIX века. 15. Часть почвы, непосредственно соприкасающаяся с корнями растений. 17. Персонаж оперы М. И. Глинки «Руслан и Людмила». 18. Река в Индии. 21. Краткая характеристика книги, статьи. 22. Искусство приготовления пищи. 25. Автор картины «Березовая роща». 27. Приток Ангары. 28. Лиственное дерево. 29. Рассказ И. С. Тургенева из «Записок охотника». 30. Чертежный инструмент.

По вертикали: 1. Расстановка знаков препинания. 2. Последовательный ряд чисел. 3. Областной центр на Украине. 4. Работа на корабле всей команды. 5. Красная строка. 7. Поэма Н. А. Некрасова. 9. Массовое состязание. 11. Город в Иране. 12. Советский драматург. 14. Металл. 16. Сочетание слов, выражающее законченную мысль. 19. Государство в Европе. 20. Советский композитор. 23. Морская нелетающая птица. 24. Вид графики. 26. Парнокопытное млекопитающее.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 31

По горизонтали: 3. Гладков. 4. Фиалка. 5. Арахис. 7. Фуфайка. 9. Антонов. 14. Росток. 16. Салют. 17. Диалог. 19. Крыльцо. 20. Рубанок. 21. Лахути. 23. «Алеко». 24. Пиастр. 26. Отранто. 28. Атласов. 29. Висмут. 30. Труппа. 31. Лукошко.

По вертикали: 1. Самара. 2. Октава. 4. «Фауст». 6. Скопа. 8. Космонавт. 10. Натюрморт. 11. Домкрат. 12. Глиссер. 13. Токката. 15. «Оплот». 18. Инари. 22. Устав. 25. Айова. 27. Оптика. 28. Атташе.

На первой странице обложки: Михаил Шолохов. 1973 год. Фото Н. Козловского.

На последней странице обложки: В подмосковном лесу. Фото А. Бочинина.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, Д. Г. БОЛЬШОВ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Н. Б. ПАСТУХОВ, И. Е. ПУЗАНОВ, Ю. Н. СБИТНЕВ (ответственный секретарь), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

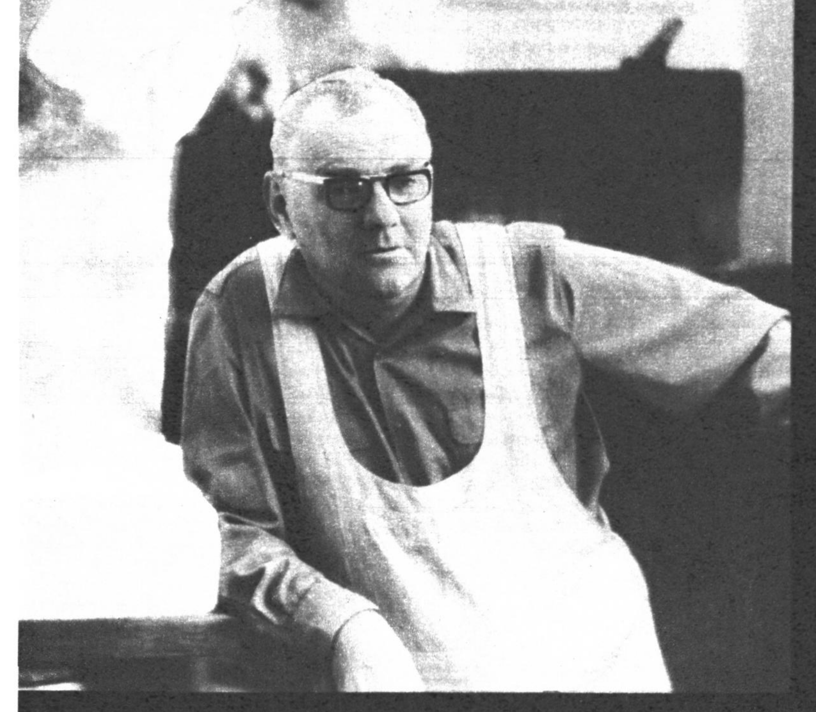
Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление Е. М. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-31-87; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-36-28; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 16/VII-73 г. А 00097. Подп. к печ. 31/VII-73 г. Формат 70 × 108 1/8. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 1652. Тираж 2 150 000 экз. Заказ № 888.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

Лауреат Ленинской премии, Герой Социалистического Труда, народный художник СССР Е. В. Вучетич в своей мастерской.

Фото В. Малышева (АПН).

Александр КИБАЛЬНИКОВ,
народный художник СССР,
лауреат Ленинской премии

Нью-Йорк... Здание ООН. Перед огромным сооружением из бетона и стекла воздвигнута бронзовая скульптура, неустанно, день и ночь напоминающая людям Земли о войне и мире. Богатырь кует. Тяжелый молот со всего маха опускается на острие меча, и боевой булат на наших глазах превращается в мирный лемех плуга. Кузнец упорен, могуч... Звенит металл. Гудит, гудит набатом ожившая бронза, призывая людей планеты к миру, дружбе.

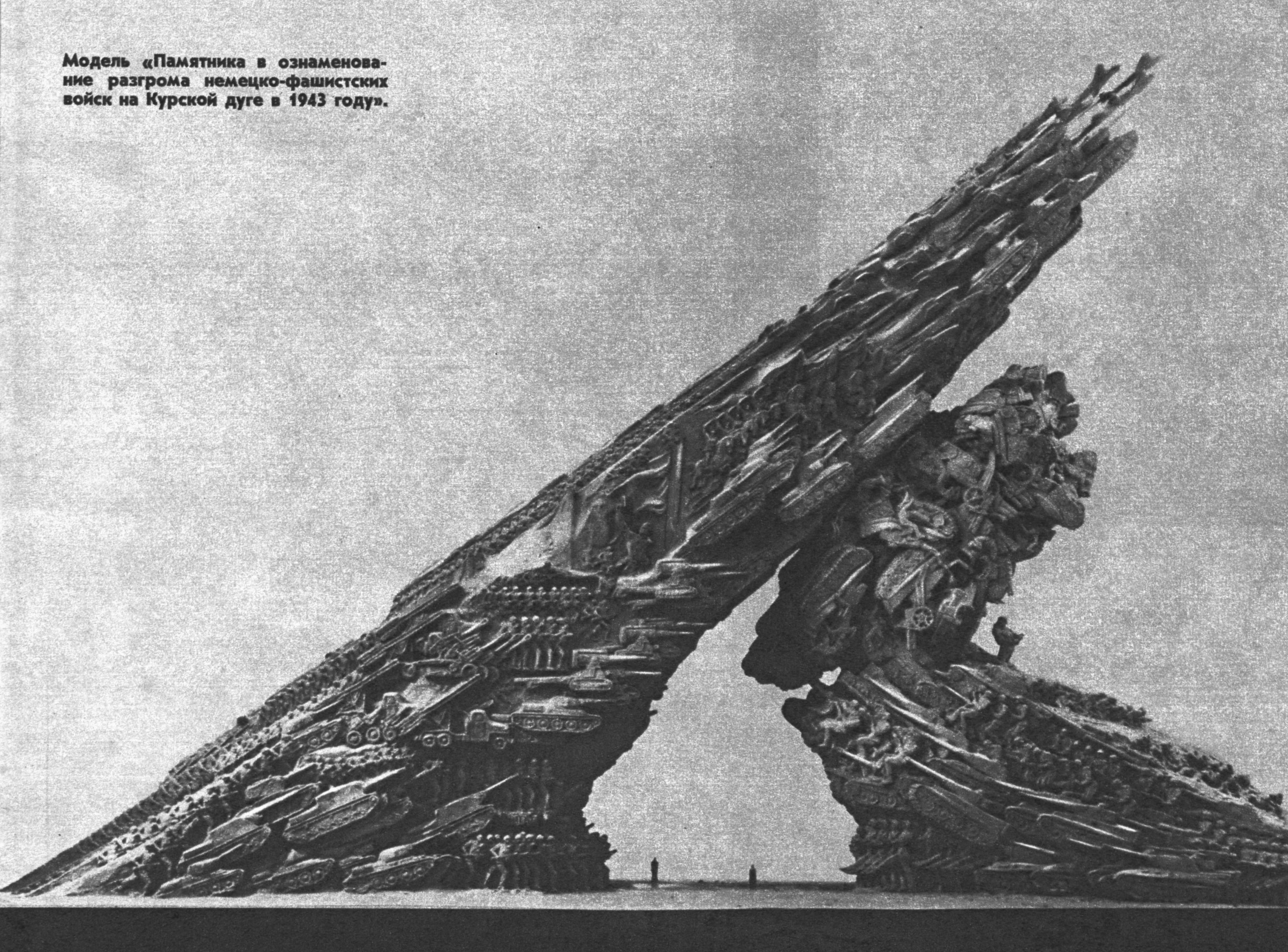
МОН

«Перекуем мечи на орала». Скульптура Евгения Вучетича, известная всему миру. И в наши дни, когда только недавно окончился визит Леонида Ильича Брежнева в США и мы все недавно были свидетелями вручения ему международной Ленинской премии мира, именно в эти дни, когда так зримо предстали перед всеми людьми доброй воли усилия нашей партии в борьбе за мир на Земле, особенно символична эта работа советского скульптора.

Но именно в эти дни мирного триумфа нашей партии особенно значимо прозвучали слова Леонида Ильича Брежнева:

«Сейчас середина лета — пора, когда цветущая природа раскрывает все свои богатства, свои неисчерпаемые возможности. И мы вместе с ней радуемся жизни, ощущаем полноту тру-

Модель «Памятника в ознаменование разгрома немецко-фашистских войск на Курской дуге в 1943 году».

УМЕНТ СЛАВЫ

дового человеческого счастья. Но советские люди не забыли и не забудут, что в один из таких же летних дней, тридцать два года назад, взрывы фашистских бомб и снарядов затмили восход солнца».

Об этом вечно будут напоминать людям нашей планеты Памятники-ансамбли: воинам Советской Армии, павшим в боях с фашизмом, в Трептов-парке в Берлине и героям Сталинградской битвы на Мамаевом кургане в Волгограде,— созданные народным художником СССР, Героем Социалистического Труда Евгением Викторовичем Вучетичем.

Эти грандиозные монументы не требуют слов. Они всенародно, всемирно известны. В них весь пафос, все величие святого подвига советских воинов, освободивших мир от коричневой чумы, свершивших этот подвиг во имя мира и счастья наших дней.

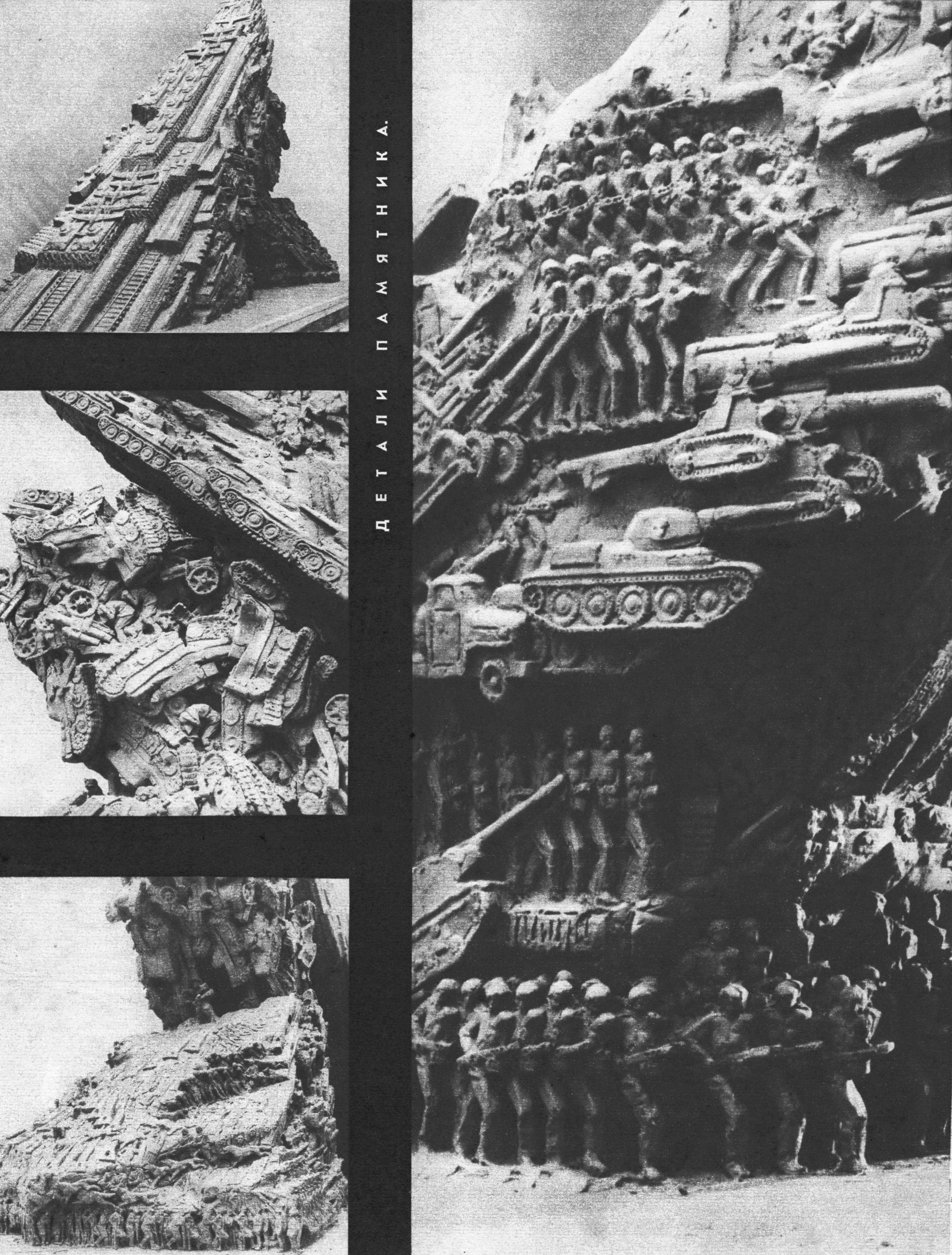
Сегодня Вучетич стоит на пороге нового свершения. Утверждена модель «Памятника в ознаменование разгрома немецко-фашистских войск на Курской дуге в 1943 году».

Небывалый замысел воплощен скульптором. Невиданный в мировом искусстве по объему, размаху, динамике монумент встанет на необъятном степном просторе Курской дуги, где летом 1943 года был сломан хребет гитлеровской военной машины. Тщательно вынашиваемая фашистским вермахтом операция «Цитадель» с грохотом рухнула в те жаркие июльские дни.

Две силы, светлая и черная, правая и неправая, сошлись, столкнулись в небывалом противоборстве. Удар был силы непомерной. И, как в старых русских былинах, дрогнула, застонала степь, рухнул поверженный злодей, идолище поганое...

Замысел великолепный. Такой монумент должен стать трудом всей жизни. Необъятен объем работы. Взгляните на фотографии деталей памятника: тысячи людей, сотни танков, самолетов схватились в смертном бою. Поистине дантовское, бетховенское звучание обретает камень под резцом скульптора-патриота.

Я верю, что монумент Славы на Курской дуге станет вехой в искусстве социалистического реализма. Этот памятник будет по самой сути своей отвечать на те исторические задачи, которые поставил в свое время перед художниками Владимир Ильич Ленин, призывая их к монументальной пропаганде.

ДЕТАЛИ ПАМЯТНИКА.

Индекс 70663 Цена номера 30 коп.

